

ВЛАДИСЛАВ МАХЬЯНОВ

УЖЕ

УЖЕ

Владислав Махьянов

УЖЕ

«Автор»

2026

Махьянов В.

УЖЕ / В. Махьянов — «Автор», 2026

На семинаре обещают простую вещь: запиши желаемое так, будто оно уже произошло, — и жди подтверждения. Журналист Даниил Корнев приходит проверить, что стоит за чужими историями успеха. После встречи ему передают архив. Среди записей он находит собственную: с его именем, будущей датой и условиями, о которых он ещё никому не говорил. Вместе с исследовательницей Мариной Вельской Даниил начинает искать подлог. За совпадениями обнаруживаются вполне реальные люди, чужие интересы и тщательно устроенные возможности. Но каждая новая проверка всё глубже втягивает в расследование его близких. Кто-то предсказывает их действия. Или добивается того, чтобы они поступили именно так. «УЖЕ» — психологический триллер о цене уверенности и границе между событием и его объяснением.

© Махьянов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. ОТСУТСТВИЕ	5
Глава 1. Пустое место	5
НАУЧНАЯ СПРАВКА	7
Глава 2. Время создания	17
ИЗ АРХИВА / НАУЧНАЯ СПРАВКА	22
Глава 3. Справка	27
Глава 4. Первый свидетель	40
ИЗ АРХИВА / НАУЧНАЯ СПРАВКА	47
ПРОТОКОЛ ПЕРВЫЙ. ФАКТ	54
Служебная карта	55
Основное положение	56
ЧАСТЬ II. ФАКТ	57
Глава 5. Номер, которого нет	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Владислав Махьянов

УЖЕ

ЧАСТЬ I. ОТСУТСТВИЕ

Глава 1. Пустое место

— Только не называйте это желанием.

Роман Арсеньев дождался, пока в зале утихнет кашель, и убрал ладонь от микрофона. На огромном экране за его спиной слово «ЖЕЛАНИЕ» перечеркнулось тонкой белой линией. Ни вспышки, ни звукового эффекта. Двести семьдесят человек послушно смотрели, как оно исчезает с чёрного фона.

— Желание сообщает миру, что у вас чего-то нет, — продолжил он. — Мы работаем с фактом. Факт не просит. Факт требует маршрута.

Даниил Корнев записал в блокноте: «Словарь продавца: переименовать обещание — снять ответственность за обещание».

Рядом женщина лет пятидесяти, в дорогом брючном костюме и с бумажным стаканом на коленях, заметила запись. Она посмотрела на Даниила так, словно он достал сигарету в детской палате.

— Вы зря заранее закрываетесь, — сказала она шёпотом.

— Я открыл блокнот.

— Я не об этом.

Она отвернулась. На её бейдже было напечатано: «ЕЛЕНА. РЕЗУЛЬТАТ: НОВАЯ ДОЛЖНОСТЬ».

У остальных вместо фамилий тоже значились результаты. «КВАРТИРА». «РЕМИССИЯ». «ВОЗВРАЩЕНИЕ МУЖА». «КОНТРАКТ». Организаторы превратили зал бывшего кинотеатра на Новом Арбате в выставку подтверждённых судеб. Люди носили собственные надежды на груди, как должности на отраслевой конференции.

Даниил пришёл без бейджа. Девушка на регистрации долго листала планшет, затем нашла его в списке прессы и предложила написать результат от руки.

— «Текст опубликован» подойдёт, — сказала она.

— Он ещё не написан.

— Тем более.

Он вернул ей маркер и прикрепил незаполненный бейдж к свитеру.

Теперь пустое белое место на его свитере замечали чаще, чем пресс-карту в кармане. Оно будто означало отказ назвать ставку.

Арсеньев ходил по краю сцены без заметок. В сорок шесть он выглядел человеком, которого телевизионный грим не омолаживал, а делал убедительнее: серебро у висков, спокойное лицо, рубашка без галстука, рукава ровно до локтя. На его запястье не было ни часов, ни браслета. Вся сценическая простота стоила дорого и была рассчитана до сантиметра.

— Давайте проверим, — сказал он. — У кого здесь есть цель, которую вы откладываете больше года?

Поднялась почти половина рук.

— Теперь оставьте руку, если за последний месяц вы сделали хотя бы одно действие, назначив ему точное место и время.

Рук осталось пятнадцать, может быть двадцать.

— Видите? — Арсеньев не улыбнулся. — Никакой мистики. Большинство людей ежедневно подтверждают не желаемый результат, а факт собственного бездействия. Мир очень дисциплинированно возвращает им это подтверждение.

Зал отозвался смешком, в котором узнавание смешалось с облегчением. Даниил тоже оценил приём. Не обещать чудо — сначала сообщить аудитории очевидную правду, которую она примет за честность всего остального.

На сцене появилось новое предложение:

ВСЕЛЕННАЯ НЕ ИСПОЛНЯЕТ ЖЕЛАНИЯ. ОНА ПОДТВЕРЖДАЕТ ФАКТЫ.

Фраза была достаточно туманной, чтобы пережить любое возражение, и достаточно точной, чтобы запомниться.

В наушнике Даниила тихо щёлкнуло. Он вынул телефон. Ирина Максимова прислала одно слово: «Живой?»

Он ответил: «Пока да. Вселенная подтвердила наличие кофе».

Три точки появились сразу.

«Не ёрничай в тексте. Мне нужен разбор метода, деньги, данные, пострадавшие. И дай ему ответить».

Даниил убрал телефон. Ирина знала его слишком давно. Если не предупредить, он мог принести хороший текст, в котором собеседник оказывался виновен ещё до первого вопроса. Девять лет назад именно за это она взяла его в отдел науки: назвала агрессивной гигиеной мышления. Через пять лет теми же словами обозначила профессиональный недостаток.

Арсеньев предложил участникам открыть выданные тетради. Даниилу тетрадь не дали, но женщина рядом положила свою на общий подлокотник. На первой странице было три поля:

ФАКТ. СРОК. ПРИЗНАК ПОДТВЕРЖДЕНИЯ.

— Напишите результат так, будто он уже существует, — сказал Арсеньев. — Не «я хочу получить новую работу», а «я работаю в такой-то должности с таким-то доходом». Не «я мечтаю выздороветь», а проверяемый медицинский показатель. Не «меня любят», а действие, которое вы сможете зафиксировать. Чем меньше в записи тумана, тем меньше у вас возможностей обмануть себя.

Женщина рядом написала быстро, прикрывая страницу ладонью. Потом задумалась над сроком.

— И сейчас главное, — продолжил Арсеньев. — Вы не обязаны верить в формулу. Вера плохо поддаётся контролю. Вам нужен маршрут: если возникает препятствие, вы заранее знаете действие. Телефонный звонок. Письмо. Заявление. Разговор. Один шаг, который не требует от вас вдохновения.

Даниил перестал писать и поднял взгляд.

Так объясняли implementation intentions — планы в форме «если возникает условие X, я выполняю действие Y». Никакая Вселенная для этого не требовалась. Как и сцена, экран, музыка в фойе и билет за сорок восемь тысяч рублей.

Научная часть семинара занимала ровно столько места, сколько нужно было для защиты от очевидного разоблачения. На сайте «Практики факта» были ссылки на исследования, но почти каждая вела не туда, куда обещал рекламный текст. Из эффекта конкретного планирования делали вывод о «перенастройке событий». Из изменений внимания — о появлении возможностей. Из работ о плацебо — о способности точной записи влиять на исходы вне тела. Формально Арсеньев редко произносил прямую ложь. Он строил мост между двумя правильными берегами и оставлял середину в тумане.

Даниил открыл заранее подготовленную заметку.

НАУЧНАЯ СПРАВКА

Шаблон «если X, то Y» помогает перевести уже принятое намерение в действие. В 642 независимых тестах эффекты различались по исходу от $d=0,27$ до 0,66, причём условная форма, мотивация и репетиция усиливали результат.

Источник: Sheeran, Listrom & Gollwitzer, 2025.

Цифры были честными. Выводы Арсеньева — нет, или пока нет. В хорошей псевдонаучной системе факты не скрывали; им поручали подтверждать то, чего они не измеряли.

— У вас семь минут, — объявил Арсеньев. — После этого мы не обсуждаем записи. Мы фиксируем их.

Свет в зале приглушили. Заиграло что-то струнное и почти неслышное. На экране возник таймер.

Даниил осмотрел ряды. Большинство писали. Кто-то закрыл глаза. Молодой мужчина у прохода фотографировал свою страницу на телефон, затем отправлял снимок в чат с названием «УЖЕ». Женщина перед ним плакала беззвучно, не переставая выводить слова.

У пустого кресла через ряд лежала чёрная папка. Даниил видел, как перед началом туда посадили опоздавшего мужчину в серой футболке. Теперь мужчины не было. Возможно, вышел. Возможно, кресло всё время пустовало, а Даниил спутал его с кем-то из проходивших.

Он отметил это в блокноте: «Пустое место, ряд G, 14».

Таймер показывал 04:32.

На обороте пресс-программы Ирина ещё утром написала три обязательных вопроса. Первый: «Сколько участников не получили записанный результат?» Второй: «Кто проверяет подтверждения?» Третий: «Имеет ли компания технический доступ к личным записям?»

Ответ на любой из них мог разрушить сцену, если задать его без театра.

Когда семь минут истекли, сотрудники собрали у тех, кто согласился, копии записей. Оригиналы оставались участникам. Арсеньев объяснил, что копия нужна для «независимой фиксации». На сайте рядом с договором открывалось отдельное согласие на обработку целей, контактов, публичных профилей, данных о транзакциях внутри платформы и «иных добровольно представленных сведений». Независимость выглядела условной.

— Теперь факты существуют не только в вашем уме, — сказал Арсеньев. — С этого момента вы можете ошибиться в маршруте, отказаться, изменить цель. Но вы уже не сможете честно сказать, что запись появилась после результата.

Это тоже было верно.

Первые аплодисменты возникли справа и быстро накрыли зал. Даниил не хлопал. Женщина рядом сложила тетрадь и прижала к животу.

— Какой у вас факт? — спросил он.

— Вы же слышали: записи не обсуждают.

— Тогда почему результат написан на бейдже?

Она посмотрела на него холодно, но ответила:

— Бейдж относится к прошлой записи. Я получила должность в июне.

— Благодаря практике?

— После практики.

— Это не одно и то же.

— Для вас — пока нет.

На сцене началась открытая сессия. Организатор с беспроводным микрофоном пошёл между рядами. Первые вопросы были безопасными: как выбирать срок, можно ли менять факт, что делать с «внутренним сопротивлением». Арсеньев отвечал без раздражения и возвращал

разговор к действиям. Он ни разу не сказал «энергия» или «вибрации». Один раз употребил «поле возможностей», но сразу пояснил: социальное, информационное, поведенческое.

Даниил поднял руку.

Организатор заметил пресс-карту и передал микрофон.

— Даниил Корнев, журнал «Контур науки». Вы показываете подтверждённые случаи. Сколько всего записей создано в системе и какая доля закончилась подтверждением по первоначальным, а не изменённым критериям?

Женщина рядом едва слышно выдохнула.

Арсеньев посмотрел не на микрофон, а прямо на Даниила. Пауза длилась достаточно, чтобы зал понял важность вопроса, но недостаточно, чтобы её приняли за растерянность.

— Хороший вопрос, — сказал он. — Вы хотите знаменатель.

— Я хочу число.

— А я хочу не выдать маркетинговую базу за научную выборку. У нас зарегистрировано чуть больше ста двадцати тысяч записей. Значительная часть брошена, часть сформулирована непроверяемо, у многих срок не наступил. Из тех, что пользователи сами отметили завершёнными, подтверждено около тридцати восьми процентов.

Даниил записал число.

— По первоначальным критериям?

— По пользовательской отметке.

— То есть вы не знаете.

— Я знаю, что люди делают со своими записями. Это не то же самое, что знать, почему произошло событие.

— Тогда на каком основании вы называете публичные истории подтверждениями системы?

Арсеньев улыбнулся впервые за вечер.

— Я называю их подтверждениями факта. Системой вы назвали это сами.

В зале засмеялись. Не громко, но достаточно. Даниил удержал микрофон, когда организатор уже потянулся к нему.

— У вашей компании есть доступ к целям участников, их контактам и публичным данным. Вы или ваши сотрудники вмешиваетесь в события, чтобы увеличить число подтверждений?

Смех закончился.

Арсеньев не отвёл глаз.

— Если мы напоминаем человеку отправить резюме, это вмешательство?

— Да.

— Если знакомим его с работодателем?

— Да.

— Если алгоритм показывает подходящую вакансию?

— Да.

— Тогда, конечно, вмешиваемся. В этом смысл маршрута. Мы не продаём ожидание.

— Участник знает о каждом таком вмешательстве?

— О каждом показе вакансии? Нет. Ни одна цифровая платформа этого не объясняет.

— Я спрашивал не только о вакансиях.

— А я ответил в пределах вопроса, который можно проверить.

Организатор забрал микрофон. Арсеньев уже кивнул женщине в первом ряду, и зал с облегчением перешёл к теме страха перед крупными суммами.

Даниил написал: «Не отрицал. Нормализовал».

Женщина рядом сказала:

— Вы ведь пришли не проверять.

— А зачем?

— Найти формулировку, после которой проверка станет не нужна.

— У вас новая должность. Это не доказывает метод.

— Я не говорила, что доказывает.

— Но заплатили вы за доказательство.

— Я заплатила за то, что перестала ждать увольнения и попросила о повышении.

Он хотел ответить, но она уже встала, пропуская людей из середины ряда. Её фраза оказалась неудобнее, чем слова Арсеньева. Польза не делала объяснение истинным. Ложное объяснение не обязательно отменяло пользу. Между этими двумя предложениями помещалась индустрия с годовым оборотом, которого пока никто не знал.

Свет снова погас, и на сцену вынесли два кресла. Арсеньев объявил, что покажет не «лучшие истории», а три разных типа подтверждения. Слово «лучшие» он выделил голосом, словно заранее отвечал Даниилу. На экране появились три строки: действие, совпадение, неизвестный маршрут.

Первой вышла девушка с красным шнурком бейджа. Она рассказала, как полтора года собиралась поступить в магистратуру, а после протокола назначила вечера для подготовки, нашла преподавателя и сдала экзамен. Никакого вмешательства мира в её рассказе не было. Двадцать минут работы по вторникам и четвергам, семь пробных тестов, оплаченная консультация. Арсеньев не пытался добавить тайну.

— Что подтвердилось? — спросил он.

— Что я зачислена, — ответила девушка.

— Что привело к результату?

— Я наконец делала то, что до этого только планировала.

— Достаточно?

Она пожала плечами.

— Мне — да.

Зал хлопал ей теплее, чем формуле на экране. Это был сильный ход: поставить первым случай, с которым не спорит ни один психолог, а затем перенести доверие на следующие.

Вторым участником оказался мужчина с бейджем «КОНТРАКТ». Он владел маленькой компанией по вентиляции и три месяца добивался встречи с застройщиком. В записи стояла сумма договора и дата. За две недели до срока знакомый пригласил его на день рождения, где за соседним столом оказался директор того самого застройщика.

— Я не собирался идти, — сказал мужчина. — Был уставший. Но у меня в маршруте было: если получаю приглашение, где будут новые деловые знакомства, иду минимум на час. Пришёл. Разговорились. Через неделю подписали.

— Кто устроил встречу? — спросил Арсеньев.

— Понятия не имею. Знакомый клянётся, что не знал про мою цель.

— Вы считаете это чудом?

— Я считаю это договором на восемнадцать миллионов.

Зал рассмеялся.

Даниил записал имя компании со слайда. Проверить договор будет несложно, если обе стороны согласятся. Труднее установить, был ли день рождения случайностью. Знакомый мог знать о поиске клиента, не помнить разговор или сознательно помочь. Человек, получивший контракт, мог сократить цепочку событий так, чтобы она выглядела чище. Даже честная память редактировала истории под финал.

Третьей на сцену поднялась невысокая женщина в зелёном платье. Её бейдж сообщал: «РЕМИССИЯ». В зале стало тише ещё до того, как она села.

— Я не буду говорить диагноз, — начала она. — И прошу не фотографировать медицинские документы.

На экране показали обезличенную выписку с закрытыми строками. Были видны даты и слово «ремиссия».

Женщина рассказала, что после двух лет лечения перестала верить врачам и пропускала приём препаратов. На курс её привела дочь. В записи она указала лабораторный показатель и срок следующего обследования. Маршрут состоял из соблюдения назначений, дневника симптомов и второго мнения в профильном центре. Показатель улучшился.

— Мне помог протокол, — сказала она. — Не вместо лечения. Вернуться в лечение.

Арсеньев наклонился к ней:

— Это принципиально.

— Я знаю. Поэтому и согласилась выйти. В интернете уже написали, будто вы вылечили меня мыслью. Это неправда.

В первых рядах кто-то опустил телефон.

— Мы требуем от партнёров удалять такие формулировки, — сказал Арсеньев.

Даниил открыл поиск. На официальном сайте женщина была названа «примером подтверждения здоровья», без утверждения о лечении. Зато в партнёрском канале с шестьюдесятью тысячами подписчиков её фотография стояла под заголовком «Когда факт сильнее диагноза». Пост висел третий месяц. Под ним была ссылка с реферальным кодом «Практики факта».

Он снова поднял руку. Организатор сделал вид, что не заметил. Даниил не опустил.

— У прессы уже был вопрос, — сказал Арсеньев со сцены. — Дадим возможность участникам.

— Вопрос к свидетельнице, — произнёс Даниил достаточно громко без микрофона. — Вы видели, как вашу историю рекламируют партнёры?

Организатор оказался рядом и загородил проход.

— После выступления, пожалуйста.

Женщина на сцене услышала.

— Видела не всё, — сказала она. — Мне обещали исправить.

Арсеньев повернулся к сотруднице у кулисы:

— Вера, зафиксируйте. Сегодня.

Это могло быть искренней реакцией или заранее отрепетированной демонстрацией контроля. Даниил сфотографировал партнёрский пост с отметкой времени.

После аплодисментов участники вернулись на места, а на экране показали форму проверки истории. Исходная запись, доказательство, согласие на публикацию, независимый свидетель. Внизу мелко значилось: «Оценка причинной связи не производится».

— Вот здесь, — сказал Арсеньев, указывая на последнюю строку, — проходит граница, которую чаще нарушают наши критики и поклонники. Мы фиксируем совпадение записи и исхода. Причину человек определяет сам.

— Но продаёте вы механизм, — сказал Даниил.

Организатор всё-таки передал ему микрофон, вероятно решив, что отказ будет выглядеть хуже.

— Мы продаём процедуру.

— С формулой о Вселенной над сценой.

— Это метафора.

— В договоре тоже?

— В договоре нет Вселенной.

— Тогда почему участники должны платить сорок восемь тысяч за поля «результат, срок, признак»?

Несколько человек обернулись. Женщина с новой должностью снова села рядом и поставила сумку между ними.

Арсеньев ответил без паузы:

— Не должны. Можно бесплатно скачать форму, прочитать исследования и сделать всё самому. Как можно самостоятельно тренироваться, вести бухгалтерию или представлять себя в суде. Платят за среду, обратную связь, последовательность и доступ к возможностям.

— К каким именно возможностям?

— Партнёры, эксперты, другие участники, алгоритмические рекомендации.

— И неизвестные человеку вмешательства?

— Вы вернулись к формулировке, которую я не использовал.

— Поэтому спрашиваю прямо: может ли участник получить результат из-за действия вашей команды, о котором ему никогда не сообщат?

Вера у кулисы перестала печатать в телефоне. Арсеньев посмотрел на неё, затем на женщину в зелёном платье.

— Может получить рекомендацию, источник которой не будет перечислен отдельно. Может оказаться в подборке партнёра. Может увидеть приглашение, сформированное алгоритмом. Скрывать значимое вмешательство в жизнь человека — не правило нашей работы.

— Я спросил не о правиле, а о возможности.

— А я не стану обещать, что каждый сотрудник любой большой системы всегда действует идеально.

На этот раз в зале не засмеялись. Ответ был разумным и одновременно оставлял открытой дверь, которую Даниил искал.

У микрофона появилась девушка лет двадцати и сказала, что пришла не слушать допрос. Несколько человек поддержали её. Другой мужчина потребовал дать журналисту закончить. На минуту семинар перестал быть управляемым: участники спорили о том, обязана ли полезная система объяснять все способы собственной пользы.

Арсеньев не прерывал их. Он стоял у экрана и ждал, пока голоса выдохнутся.

— Сейчас произошло важное, — сказал он наконец. — Один человек искал признаки манипуляции, другой — признаки ценности. Каждый нашёл материал для своего вопроса. Но событие было одно. Поэтому в протоколе мы заранее пишем, что будет считаться подтверждением. Иначе после исхода память обслужит позицию, с которой мы пришли.

Даниил почувствовал, как зал повернулся к нему, хотя никто не обернулся. Арсеньев использовал его не как противника, а как демонстрационный материал. И снова говорил вещь, с которой трудно спорить.

— А если заранее поставлен неверный вопрос? — спросил Даниил.

— Тогда вы получите точный ответ, который ничего вам не объяснит.

Это была первая фраза Арсеньева за вечер, которую Даниил записал без комментария.

После сессии прессу повели в небольшую комнату за сценой. На столе стояли вода, виноград и аккуратные стопки исследований с выделенными маркером абзацами. Арсеньев вошёл последним — по-прежнему без пиджака, но с тем выражением освобождения, какое люди изображают после публичного выступления.

— Господин Корнев, — сказал он. — Вы не представились на регистрации результатом.

— У меня пресс-карта.

— Это занятие, не результат.

— А у вас всё должно быть результатом?

— Иначе приходится продавать процесс.

Двое блогеров засмеялись. Даниил включил диктофон и положил телефон на стол.

— Вы были готовы к вопросу о вмешательствах.

— Мне его задают.

— Часто?

— Реже, чем стоило бы.

— Есть случаи, когда ваш сотрудник связывался с третьими лицами без ведома участника?

— Есть рекомендации, партнёрские программы, открытые подборки, сообщения пользователям. Всё описано в согласии.

— Это не ответ.

— Тогда задайте вопрос с критериями ответа.

Арсеньев взял бутылку воды и не открыл её. Вблизи он казался уставшим, под глазами проступали следы тонального крема.

— Вы хотите, чтобы я сказал: «Да, мы тайно устраиваем людям судьбу», — произнёс он. — Такой заголовок уже написан. Но если ваш редактор действительно требует доказательств, вам придётся сделать скучную работу. Выбрать случай. Получить согласия. Восстановить маршрут. Отделить действия участника от наших действий, совпадения — от отбора, результат — от рассказа о результате.

— Дадите полный массив?

— Нет. Там медицинские, финансовые и личные данные.

— Обезличенный?

— После юридической проверки обсудим.

— Список неудач?

— Они не являются историями успеха.

— Именно поэтому нужны.

— Вам — да. Человеку, который пришёл изменить свою жизнь, — не уверен.

— Значит, знаменатель всё-таки мешает продукту.

— Знаменатель мешает любой истории. И вашей тоже.

Арсеньев наконец открыл воду. Его помощница коснулась локтя и показала экран телефона. Следующее интервью начиналось через минуту.

— Вы сказали, что я пришёл с готовым заголовком, — заметил Даниил. — Какой он?

— «Как продавцы манифестации присвоили психологию».

Именно так назывался черновик в редакционной системе.

Даниил не изменился в лице. Название было очевидным. Ирина могла запросить комментарий через пресс-службу. Системы аналитики видели переходы по закрытым ссылкам реже, чем рекламщики любили утверждать, но утечки из редакций существовали без всякой метафизики.

— Слабо, — сказал он.

— Согласен. К концу расследования вы его поменяете.

— На какое?

— Это зависит от того, какой факт вы запишете.

Помощница увела Арсеньева. Блогеры поспешили за ним. Даниил остался у стола, фотографируя выделенные страницы. В стопке смешались качественные метаанализы и книги людей без исследовательской биографии. Классический приём соседства: ничего не подделывать, просто положить сильный источник рядом со слабым выводом.

— Господин Корнев.

Голос прозвучал за спиной.

У двери стоял мужчина в серой футболке. Тот самый или похожий на того, кто сидел у пустого кресла. Лет тридцать пять, высокий, с коротко стриженными волосами и пластиковым бейджем без имени. На бейдже было одно слово: «ОТСУТСТВИЕ».

— Мы знакомы?

— Нет.

— Вы из команды Арсеньева?

Мужчина посмотрел в коридор.

— Не открывайте на основном компьютере.

Он протянул Даниилу плоский чёрный накопитель. Не флешку — небольшой SSD в резиновом корпусе, без маркировки, с коротким кабелем, примотанным лентой.

Даниил не взял.

— Что там?

— То, чего нет в их презентации.

— Уточните.

— Отказы. Подтверждения. Исходные протоколы. Журнал действий.

— Ваше имя?

— Сейчас оно вам ничего не докажет.

— Тогда и накопитель ничего не докажет.

— Поэтому вы его проверите.

Мужчина положил SSD поверх папки с исследованиями. Его пальцы дрожали не от страха — скорее от усилия удерживать руку неподвижной.

— Почему мне?

— Потому что вы спросили о знаменателе.

— Этот вопрос задаст любой нормальный журналист.

— Но сегодня первым задали вы.

Из коридора донёсся голос помощницы. Она кого-то искала. Мужчина отступил к служебной двери.

— Пароль?

— Пустое место.

— С пробелом?

Мужчина впервые посмотрел ему прямо в глаза.

— Именно.

Дверь закрылась. Даниил поднял накопитель салфеткой, понимая всю театральность жеста, и сфотографировал его на столе. Потом позвонил Ирине.

Перед звонком он всё же выглянул в коридор. Служебная дверь вела не к лестнице, как он ожидал, а в узкий проход между сценой и наружной стеной. Справа горела зелёная табличка выхода, слева громоздились кофры с аппаратурой. Мужчины не было.

Даниил дошёл до пожарной двери. Она открывалась только по карте, рядом мигал красный индикатор. За спиной появился техник в чёрной футболке.

— Там нельзя, — сказал он.

— Человек только что вышел.

— Никто не выходил. Замок пищит на весь пульт.

— В серой футболке, без имени на бейдже.

Техник нахмурился, затем указал на чёрный занавес. За ним обнаружился второй проход, выводивший к гримёрным. В первой визажист смывала косметику с лица ведущей. Во второй два оператора укладывали кабели. Третья была заперта. Из прохода можно было вернуться в зал или подняться на сцену, но скрыться за полминуты — только если знаешь устройство здания.

— Камеры здесь есть? — спросил Даниил.

— У службы безопасности.

— Вы видели этого человека раньше?

— Сегодня здесь триста человек.

— У него на бейдже было «Отсутствие».

Техник перестал собирать кабель.

— Тогда к координаторам.

— Почему?

— У персонала другие бейджи.

— А у участников?

— Они сами пишут результаты. Мог написать что угодно.

Ответ был исчерпывающим и бесполезным. Даниил вернулся в пресс-комнату. SSD лежал на том же месте. На снимке, сделанном минуту назад, рядом с ним был виден угол чужой папки. Теперь папки не было. Возможно, её забрал кто-то из блогеров; возможно, мужчина принёс её с собой. На столе осталось круглое влажное пятно от стакана и тонкая царапина на пластике накопителя.

Он записал в блокноте время передачи, одежду, рост, цвет глаз, дрожь пальцев, точную фразу о пароле. Потом зачеркнул цвет глаз: серые или светло-карие, он уже не был уверен. Следом зачеркнул рост и заменил «около 185» на «выше меня». Через две минуты память начала превращать человека в описание, пригодное для поиска, и с каждым уточнением становилась менее надёжной.

Накопитель он завернул в чистый бумажный пакет из-под пресс-материалов, не касаясь разъёма. На клапане поставил подпись и время. Если внутри окажется обычная рекламная подборка, осторожность будет выглядеть смешно. Если нет, хотя бы одна последовательность действий сохранится без поправок.

— У меня носитель от неизвестного.

— Не подключай.

— Даже к тостеру?

— Особенно к тостеру. В редакцию не вези. Позвони Глебу, пусть подготовит отдельную машину. Кто передал?

— Мужчина без имени.

— Очень удобно.

— На бейдже было «Отсутствие».

— Ещё удобнее. Камеры?

Даниил осмотрел потолок. В пресс-комнате висела полусфера камеры.

— Есть.

— Попроси запись официально. Накопитель упакуй. И никому не говори, что открыл.

— Я ещё не открыл.

— Вот и потренируйся говорить правду дольше десяти минут.

Связь оборвалась.

Помощница Арсеньева вернулась одна. Её звали Вера, под именем мелко значилось «коммуникации».

— Вы кого-нибудь здесь видели? — спросила она.

— Несколько блогеров, вашего руководителя, виноград.

— Мужчину в серой футболке.

— А что?

— Один участник оставил чужой бейдж. Мы хотели разобраться.

— «Отсутствие»?

Она слишком быстро ответила:

— У нас нет такого результата.

Даниил показал на камеру.

— Пришлётте запись за последние десять минут?

— Для чего?

— Я оставил на столе вещь и хочу понять, кто её трогал.

Вера посмотрела на пустую папку перед ним, затем на карман куртки.

— Официальный запрос в службу безопасности.

— Уже пишу.

— Запись могла не сохраниться. У нас сегодня были перебои.

— Конечно.

— Вы ведь понимаете, как это прозвучало?

— Пока записал только я.

На улице уже стемнело, но асфальт отдавал дневное тепло. Даниил убрал пакет с SSD в пластиковый контейнер, купленный в круглосуточной аптеке, и поехал не домой, а в маленькую студию знакомого специалиста по цифровой безопасности.

Глеб Пахомов жил на другом конце города и ненавидел слово «срочно», поэтому согласился за двойную ставку. Он встретил Даниила в помещении без окон, где раньше ремонтировали кассовые аппараты. На столе стоял старый ноутбук без диска и сетевой карты.

— Если это уничтожит машину, — сказал Глеб, — ты покупаешь другую.

— Такой же музейный экспонат?

— Она старая не потому, что плохая. Она старая, потому что мне не жалко.

Он сфотографировал накопитель, записал время, проверил корпус, затем подключил через блокиратор записи. На экране появился зашифрованный раздел.

— Пароль?

— «Пустое место».

— Кириллицей?

— Видимо.

Первая попытка с пробелом не сработала. Вторая, с подчёркиванием, тоже. Третья — два слова кириллицей без пробела — открыла раздел.

— Значит, соврал, — сказал Глеб.

— Или имел в виду отсутствие пробела.

— Уже защищаешь источник?

— Защищаю русский язык от тебя.

В корне находилось шесть папок: «ПРОТОКОЛЫ», «ПОДТВЕРЖДЕНИЯ», «ОТКАЗЫ», «НАБЛЮДАТЕЛИ», «ИССЛЕДОВАНИЕ», «СЛУЖЕБНОЕ». Рядом — файл README и таблица индексов. Даты создания расходились на годы: от 2011-го до текущей недели. Глеб начал с образа носителя, сверяя контрольные суммы.

— Ничего не открываем до копии.

— Я знаю.

— Ты каждый раз говоришь, что знаешь, за секунду до того, как нажать.

Когда образ был создан и обе контрольные суммы совпали, Глеб отключил оригинальный накопитель и убрал его в пакет. Дальше они работали только с копией. Даниил пролистал список имён в таблице, не открывая файлов. Большинство заменяли номера. Несколько строк содержали фамилии и пометки: «публичное согласие», «медицинское», «контакт через оператора», «не подтверждено». Внизу был раздел с датами будущих проверок.

— Стой, — сказал он.

— Я ничего не трогаю.

— Прокрути обратно.

Глеб поднял список на две строки.

Там было имя: «КОРНЕВ ДАНИИЛ РОДИОНОВИЧ». Рядом — год рождения, который Даниил не публиковал в авторской справке, и ссылка на файл. Имя могло быть взято из утечки, базы клиентов, старого судебного документа, где он выступал свидетелем. Ничего невозможного.

— Когда создана таблица?

— То, что показывает файловая система, ничего не значит. Можно выставить любую дату.

— Покажи.

Глеб открыл свойства копии. Поле создания содержало вчерашнее число. Поле изменения — 9 сентября 2026 года.

— Будущее время, — сказал он. — Часы на системе автора, ручная правка, распаковка из кривого архива. Выбирай.

— Сегодня седьмое августа.

— Я умею считать.

Ссылка вела в папку «ПОДТВЕРЖДЕНИЯ / ОЖИДАЕТ». Глеб сначала проверил тип файла, затем открыл его в текстовом просмотрщике без выполнения вложений.

Страница была почти пустой. Заголовок: «АРХИВ ПОДТВЕРЖДЕНИЙ». Ниже — строка состояния: «НЕ ЗАВЕРШЕНО». Потом дата фиксации и имя наблюдателя.

На экране стояла дата, которая ещё не наступила, а рядом было напечатано его полное имя, включая отчество и год рождения.

Глава 2. Время создания

Глеб запретил ему фотографировать экран.

— У тебя уже есть копия, — сказал Даниил.

— У меня есть образ неизвестного носителя. Это не разрешение разнести потенциальную дрянь по твоему телефону, облаку и редакционному чату.

— Мне нужно сообщить Ирине.

— Сообщи словами. Человечество так делало довольно долго.

На экране оставалась страница с будущей датой. Даниил продиктовал Ирине заголовок, имя и состояние. Она молчала, пока он не закончил.

— Девятое сентября — наша дата выпуска номера, — сказала она.

— И публичная дата на сайте.

— Поэтому не впечатляйся.

— Я не впечатляюсь.

— Ты говоришь быстрее обычного.

— Потому что Глеб берёт деньги по часам.

— Завтра в девять привези копию на чистом диске. Оригинал остаётся у него. До этого — никакой Марины, никаких звонков участникам, никаких красивых совпадений. Сначала происхождение.

— Кто сказал про Марину?

— Ты просил её контакт две недели назад для материала о манифестации.

— Я мог выбрать другого психолога.

— Не выбрал бы. Она единственная, кто однажды выгнала тебя с круглого стола и потом прислала нормальный комментарий.

Ирина отключилась.

— Марина? — спросил Глеб.

— Когнитивный психолог.

— Та, которая назвала твою статью «доказательным кликбейтом»?

— Это было в личном письме.

— Ты читал его вслух в баре.

Глеб открыл README на рабочей копии. Исходный носитель оставался в опечатанном пакете; к нему больше не обращались.

Документ был написан сухим языком технической инструкции.

Архив содержит сведения о записях, вмешательствах и исходах. Публичная выборка не соответствует полной. Метаданные частично восстановлены. Временные отметки не считать доказательством до независимой проверки. Личные данные не публиковать без согласия субъектов.

— Источник грамотный, — сказал Даниил.

— Или хочет выглядеть грамотным.

Ниже стояла последовательность действий:

Проверить контрольные суммы.

Открыть индекс будущих записей.

Выбрать первую запись с именем проверяющего.

Зафиксировать вопрос, заданный на публичном мероприятии.

Позвонить Марине Вельской.

Не сообщать ей о папке «ИССЛЕДОВАНИЕ» до проверки первой формулировки.

— Это инструкция нам? — спросил Глеб.

— Мне.

— Ты уже звонил Вельской?

— Нет.

— Пока предсказано только то, что журналист читает инструкцию и следует ей.

— И вопрос на семинаре.

— Вопрос вписали после семинара.

— Накопитель передали после семинара.

— Вот именно.

Рациональное объяснение лежало на поверхности и поэтому раздражало меньше, чем реакция тела. Даниил чувствовал неприятную собранность, как перед звонком из больницы. Не страх — готовность услышать то, чего ещё не произошло.

— Открой индекс будущих записей, — сказал он.

— Это буквально второй пункт инструкции.

— Мы всё равно собирались.

— Так начинаются хорошие фокусы. Тебе предлагают действие, которое ты хотел совершить, и потом объявляют его предсказанным.

— Открой. Мы всё равно должны его проверить.

В индексе было двадцать восемь строк. Двадцать семь — номера. Одна — Даниил. В полях его записи значились дата семинара, время вопроса и формулировка: «Сколько записей подтверждено по первоначальным критериям?» Почти дословно.

— Заполняется после события, — сказал Глеб. — Человек был в зале или смотрел трансляцию.

— Трансляция шла с задержкой в девять минут.

— И что?

— Он подошёл ко мне меньше чем через шесть после конца сессии.

— Шаблон, сообщник или заранее известный вопрос.

— Я не отправлял вопросы.

— Ты задаёшь один и тот же вопрос всем, кто показывает проценты без знаменателя.

Это было правдой: по меньшей мере четыре публичных выступления он начинал почти так же. Для такого фокуса хватило бы его старых записей.

В следующем поле стояло: «Первичный контакт после передачи: И. Максимова». Затем: «Технический контроль: Г. Пахомов». Глеб откинулся от стола.

— Меня найти труднее, чем твоё отчество, — сказал он. — Но возможно. Кому-то пришлось потратить время.

Следующее поле: «Первый частный звонок: Л. Корнева. Состояние контакта — пропущен».

Даниил посмотрел на телефон. От Лиды не было ни звонков, ни сообщений.

— Кто такая Л. Корнева? — спросил Глеб.

— Сестра.

— Ты собирался ей звонить?

— Нет.

— Тогда у нас наконец что-то похожее на прогноз.

— Или инструкция.

— Ты позвонишь?

— Теперь нет.

Они оба поняли проблему. Любое действие после прочтения становилось испорченным. Позвонит — выполнит сценарий. Не позвонит — изменит поведение из-за сценария. В обоих случаях файл вмешался в то, что якобы только фиксировал.

Даниил выключил звук на телефоне и положил его экраном вниз.

— Сначала метаданные, — сказал он.

Глеб извлёк служебные данные. Архив собирали на нескольких системах: часовые пояса расходились, версии программ местами были новее заявленных дат, а один документ будто бы создали за четыре года до выпуска программы.

— Подделка? — спросил Даниил.

— Монтаж. Старые файлы могли пересобрать, восстановить или намеренно состарить. Во всех трёх случаях даты поплывут.

— Есть что-нибудь устойчивое?

— Содержание. И подписи, если они настоящие.

В папке «ПРОТОКОЛЫ» лежали «ФАКТ», «ТОЧНОСТЬ», «ПРЕПЯТСТВИЕ», «ЦЕНА» и «ПОДТВЕРЖДЕНИЕ». Ранние версии выглядели как исследовательские формы за подписью «V. S.». В поздних появлялись «маршрут», «наблюдатель» и «архив».

Первый протокол начинался просто: «Опишите результат так, чтобы два независимых проверяющих одинаково решили, наступил он или нет».

— Это нормальное требование, — сказал Даниил.

— Нормальные требования лучше всего маскируют ненормальную систему.

— Ты сегодня философ.

— Я сегодня дорогой.

В «ПОДТВЕРЖДЕНИЯХ» истории с сайта Арсеньева были видны изнутри: исходная запись, её последующие версии, переписка и карточка вмешательства. Рядом с обычными напоминаниями и помощью в письмах стояли коды «Н-1», «Н-2», «Внешний маршрут», «Третья сторона без раскрытия».

«ОТКАЗЫ» Глеб открыл списком, не меняя дат доступа. У одних карточек не было срока, у других — итога; несколько тысяч заканчивались строкой «пользователь не завершил проверку». Прямое «не подтверждено» стояло лишь в четырёхстах с небольшим случаях.

— Сто двадцать тысяч записей, тридцать восемь процентов подтверждений среди завершённых и четыреста явных отказов, — сказал Даниил. — Арифметика для людей, которым не показывают знаменатель.

— Не спеши. Папка может быть неполной. README это признаёт.

— Тогда зачем она названа «Отказы»?

— Чтобы ты сделал именно такой вывод.

В первой проверенной карточке участница хотела до конца марта получить за квартиру задаток не менее пятисот тысяч. Потом сумму снизили, задаток заменили «письменным намерением», а июньскую продажу дешевле предложили считать успехом.

Участница отказалась. В переписке она дважды написала: «Это другой результат». Последнее сообщение оператора звучало мягко: «Иногда факт подтверждается в форме, которую наблюдатель пока не готов принять».

— Вот здесь кончается постановка целей и начинается защита продукта, — сказал Даниил.

— Если переписка подлинная.

— Ты решил заменить мне редактора?

— Нет, она страшнее.

В контрольном разговоре оператор вежливо спрашивал, не была ли её глубинной целью свобода от квартиры. Женщина смеялась: свобода без денег ей не нужна.

— Слишком хороший материал для утечки, — заметил Глеб.

— Думаешь, постановка?

— Думаю, отобрано. Нам дают самый чистый отказ, чтобы мы поверили грязным подтверждениям.

В следующей карточке мужчина записал восстановление отношений с сыном. Сын позвонил после того, как куратор передал через его жену, будто отец тяжело болен. Подтверждения болезни не было. Участник всё равно отметил успех.

— Это уже вмешательство, — сказал Даниил.

— Если сообщение отправляли они.

— В журнале есть дата и текст.

— В журнале неизвестного происхождения.

— Тебе не надоедает?

— Надоест — куплю твою статью и прочитаю готовый вывод.

Оператор значился как Н-04, действие — «контакт через доверенное лицо», раскрытие — «по запросу». Запроса не было. После первого звонка сын снова исчез, но карточка осталась среди подтверждённых.

В третьем случае анализ нормализовался лишь через два месяца после срока. Система предложила перевести случай в успех; участница снова отказалась.

— Хороший наблюдатель, — сказал Глеб.

— Хороший критерий.

— И никакой истории для сцены.

В публичной базе этого случая не было. Отказы не обязательно стирали — их просто не рассказывали. В зале подтверждений не появлялось ни одного бейджа «НЕ ПРОИЗОШЛО».

Почти девяносто процентов массива не позволяли установить исход: люди переставали заполнять приложение. Любая доля успеха зависела от того, считать ли молчание отказом или исключать.

— Арсеньев исключает, — сказал Даниил. — Тридцать восемь процентов только среди тех, кто сам завершил.

— Это он сообщил со сцены. В архиве может быть другая логика.

Статус «завершено» означал лишь нажатие кнопки «Зафиксировать исход». Затем приложение сначала просило перечислить совпадения и только после этого предлагало выбор «подтверждено / не подтверждено». Карточки без ответа исчезали из расчёта.

Даниил сохранил снимок интерфейса, но до вывода о манипуляции требовалось установить версию приложения. Источник оставлял ровно столько неопределённости, чтобы каждый быстрый вывод требовал следующего файла.

— Вот это интересно, — Даниил показал на экран.

— Пока это слова в таблице.

— Слова умеют приводить в суд.

— Только когда ты установил автора.

Они выбрали одну карточку без медицинских данных. Участник Алексей Мельников, Москва, цель — должность директора по развитию к 1 июня. Исход отмечен подтверждённым 29 мая. В журнале действий были консультации, исправление резюме, четыре напоминания. Последняя строка: «Внешнее условие: проверка кандидата К. Активировано оператором Н-17».

— Проверка соперника, — сказал Даниил.

— Или системный комментарий, значение которого мы придумываем.

— Есть контакт Алексея?

— В карточке.

— Завтра позвоню.

— И нарушишь четвёртый пункт инструкции. Там сначала Марина.

— Тем лучше.

Глеб улыбнулся, но тут же посерьёзнел:

— Если источник имел доступ к платформе, он мог видеть всё, что ты делал на семинаре. Если имеет доступ к твоим данным, мог составить последовательность. Пока нет ни одной причины считать файл чем-то кроме направленной утечки.

— Я и не считаю.

— Тогда перестань смотреть на телефон.

Даниил снова перевернул его экраном вверх. Пропущенных не было.

Они составили таблицу проверок: участники, исходные записи, протоколы, «V. S.», коды операторов, доступ Арсеньева, камера в пресс-комнате. Временные отметки Глеб вынес отдельно и перечеркнул слово «доказательство».

— Время создания файла — свидетельство только о том, какое значение записано в поле, — сказал он. — Не о том, когда человек придумал текст.

— Запишу на могиле цифровой журналистики.

— На твоей. Она переживёт.

К двум часам ночи они нашли первый файл с электронной подписью. Подпись принадлежала не Арсеньеву и не его компании, а автономной некоммерческой организации «Лаборатория поведенческих решений», ликвидированной в 2014 году. Сертификат был просрочен, цепочка доверия не проверялась через отключённую машину. Имя подписанта: Вадим Сергеевич Савельев.

Даниил знал фамилию. Савельев публиковался о мотивации и ожиданиях, затем исчез из академического поля после конфликта вокруг согласия участников. В старом материале его комментировала Марина Вельская — тогда ещё младший исследователь в его группе.

— Вот тебе V. S., — сказал Глеб.

— И причина звонить Марине без инструкции.

— Ты уже нашёл её внутри инструкции.

— Это не делает звонок предсказанным. Это делает источник осведомлённым.

До девяти утра у них оставалась промежуточная находка. Даниил вернулся к журналам: прежде чем звонить Ирине, нужно было понять, откуда взялась запись.

— Посмотрим будущую запись целиком, — сказал он.

В связанной карточке, кроме имени и даты, были поля «Первый вопрос», «Первый эксперт», «Первый свидетель», «Собственная запись», «Публикация». Заполнено было только первое.

Формулировка вопроса совпадала с заданной на семинаре. Под ней стояла временная отметка 18:47 — на одиннадцать минут раньше, чем организатор передал Даниилу микрофон.

— Настроенные часы, — сказал Глеб.

— Да.

— Подделано после события.

— Да.

— Черновик вопроса мог быть в твоём телефоне.

— Не был.

— Ты мог задавать его на репетиции интервью, в переписке, вслух.

— Мог.

Любое объяснение можно было принять до появления данных. Именно на такой выбор файл и провоцировал.

Он открыл редакционную папку с исследованиями для будущего текста. Среди подготовленных заметок была справка о mental contrasting — мысленном сопоставлении желаемого будущего с реальным препятствием. Это объясняло часть пользы практики без космических заявлений.

ИЗ АРХИВА / НАУЧНАЯ СПРАВКА

Если мысленно сопоставить желаемое будущее с реальным препятствием, поведение меняется в среднем немного. Для связанных со здоровьем действий скорректированный эффект до четырёх недель составил $g=0,28$.

Источник: Cross & Sheffield, 2019.

Скромный эффект, короткий срок, определённый класс поведения. В рекламной презентации эти ограничения исчезали. В архиве, напротив, ограничения повторялись почти навязчиво. Кто-то внутри системы умел читать исследования аккуратнее, чем её публичный основатель.

В тринадцать Глеб объявил перерыв и вышел за кофе. Даниил остался у отключённой от сети машины. Телефон лежал рядом. Он проверил экран: пусто.

Лида не звонила ему почти два месяца. Их последняя попытка поговорить началась с поздравления матери и закончилась тем, что сестра спросила, когда он научится разговаривать с ней, не собирая материал. Даниил тогда ответил, что она сама согласилась рассказать о курсе Арсеньева.

История была старше нынешнего архива. Два года назад Лида рассказала, как после курса сменила работу. Даниил расспросил о цене, упражнениях, новой должности и парковке возле офиса, где она впервые решила отправить резюме. Он сказал, что пишет о рынке манифестации и обезличит детали. В колонке она стала «родственницей автора», но парковка, сумма и новая работа остались. Общие знакомые узнали её в день публикации.

Лида прислала одно длинное сообщение: «Ты не придумал факты. Ты заранее решил, что они доказывают, и оставил только нужное. У тебя я не ушла с плохой работы, а попалась хорошим продавцам. Не разговаривала с людьми, не выбирала, не задавала вопросы. Ты сделал меня доказательством, а потом спрятал имя и решил, что этого достаточно».

Он ответил на четыре экрана: привёл условия договора, рыночные данные, цитаты ведущей и объяснил общественную важность. Извинение за узнаваемость поставил в последний абзац. На её фразу «ты опять объясняешь курс, а я спрашиваю про себя» не ответил.

После этого они ещё виделись у матери. Лида говорила с ним о столе, лекарствах, сломанном чайнике — обо всём, что не требовало доверия. Когда он однажды вынул телефон, чтобы записать адрес мастера, она замолчала на половине фразы. Он убрал телефон, но не сумел сказать, что понял.

Он попытался исправиться так, как умел. На её день рождения прислал короткое «как ты?» и дождался ответа прежде, чем задать второй вопрос. Лида ответила «нормально». Через час она написала: «Ты сейчас осторожный, потому что знаешь, как надо или потому что тебе интересно?» Он так и не ответил.

На общих ужинах Даниил теперь ловил себя на том, что заранее отбирает вопросы. Про её работу не спрашивал. Про курс — тоже. Лида сама перешла на безопасные темы, и оба делали вид, что вот так и выглядит бережность. На самом деле они просто перестали говорить о том, что могло снова сделать её героиней его вывода.

На Новый год мать посадила их рядом и попросила разобрать старые фотографии. Лида передавала их молча, держа за края, словно даже семейный альбом нужно было выдавать ему по одной странице.

В последнем звонке Даниил снова сослался на её согласие рассказать. Лида сказала: «Я согласилась рассказать, а не стать твоим примером», — и отключилась. Теперь её инициал стоял в чужом файле как следующий частный контакт.

Она могла позвонить в любой день. Упоминание могло быть рассчитано лишь на то, чтобы заставить Даниила ждать и придать обычному звонку значение. Но тело уже ждало раньше него.

Телефон завибрировал.

Он схватил его раньше, чем успел увидеть имя. Звонила Ирина.

— Ты не спишь, — сказала она вместо приветствия.

— Ты тоже.

— Мне пришёл ответ от пресс-службы. Камера в комнате якобы не записывала с семнадцати сорока из-за обновления системы.

— Они ответили в три ночи?

— Письмо отправлено в двадцать три десять, но попало в спам. И ещё: зарегистрированного участника с результатом «Отсутствие» у них нет.

— Это я уже слышал.

— Фото мужчины есть?

— Нет.

— Свидетели?

— Возможно, блогеры. Вера его искала.

— Она подтвердила, что видела?

— Спросила, видел ли я мужчину в серой футболке.

— Запись разговора?

Даниил промолчал.

— Ты оставил телефон на столе, — поняла Ирина.

— Диктофон был включён до ухода Арсеньева. Я мог не остановить.

— Проверь. Не достаивай память.

Запись закончилась за минуту до появления мужчины. Даниил помнил, как остановил диктофон, чтобы фотографировать страницы. Разговор с Верой тоже не сохранился.

— Ничего, — сказал он.

— Значит, пока у нас носитель неизвестного происхождения и твои показания. Утром юрист, потом Марина. И Даниил...

— Что?

— Не делай из даты будущего событие. Это просто строка, пока мы не установили её происхождение.

— Я знаю.

После звонка он заметил уведомление, скрытое под карточкой Ирины. Не пропущенный вызов — автоматическое напоминание календаря: «Позвонить Лиде». Оно было создано шесть месяцев назад и повторялось каждую субботу. Даниил всякий раз переносил его на неделю. Сегодня снова была суббота.

Он показал Глебу, когда тот вернулся.

— Вот откуда можно угадать звонок, — сказал Глеб. — Доступ к календарю или статистика твоих привычек. Ты собираешься ей звонить каждую неделю и не звонишь. Очень прогнозируемый человек.

— В файле указано, что звонок будет от неё.

— Значит, отправитель мог связаться с ней.

— Зачем?

— Чтобы она позвонила. Это проще, чем изгибать пространство-время.

Даниил открыл контакт Лиды. Палец завис над кнопкой.

— Не надо, — сказал Глеб.

— Почему?

— Потому что сейчас ты звонишь не сестре. Ты проводишь опыт на человеке без её согласия.

Даниил убрал телефон.

Журналы открытия утверждали, что README смотрели три дня назад, индекс с именем Даниила — четыре, а будущую запись — девять месяцев назад. Это была не хронология, а ещё один ненадёжный набор полей.

Но внутри контейнера обнаружился манифест с контрольными суммами, подписанный старым сертификатом Савельева. Данные после подписания не менялись. Время подписи ничего не доказывало, однако заменить персональный файл без закрытого ключа было нельзя.

— Надо разделить два вопроса: кто имел закрытый ключ и когда подписал файл, — сказал Глеб. — Ранняя дата в поле не отвечает ни на один из них.

— Либо подпись сделана раньше, а персональный файл лежал во вложенном незаверённом контейнере.

Они проверили структуру. Персональный файл входил в подписанный манифест.

Хеш Данииловой карточки входил в подписанный список из двадцати восьми одинаково устроенных записей.

— Теперь границы, — сказал Глеб. — Подпись подтверждает целостность набора относительно ключа. Не автора, не время и не правдивость текста.

— Ключ выдан Савельеву.

— Двенадцать лет назад. Подписать мог любой, у кого ключ оказался потом.

— После семинара?

— Да.

Доверенной отметки времени не было: программа вписала локальные часы. Зато номер её сборки указывал на версию, выпущенную только в 2024 году.

— Старым ключом подписали недавно, — сказал Даниил.

— Не раньше 2024-го, если номер настоящий и библиотеку не модифицировали.

— Значит, легенда старого архива ложная.

— README прямо говорит, что метаданные восстановлены. Источник не обещал старую упаковку. Старым может быть содержание.

Перевод часов тестовой машины на месяц вперёд дал будущую дату подписи; перепакровка воспроизвела остальные противоречия за пять минут.

— И что теперь? — спросил Даниил.

— Теперь мы знаем, что странность дешёвая.

— А персональный текст?

— Текст по-прежнему дорогой. Его кто-то составил под тебя.

В свободном пространстве образа Глеб нашёл обрывки старых файлов и шаблон будущей карточки.

Имени Даниила там не было: только {subject_fullname}, {first_question}, {first_expert}, {first_private_contact}. Персональные данные подставлялись из отдельной таблицы.

— Вот механизм, — сказал Даниил. — Карточку собрали программой.

— Это механизм создания файла, не получения данных.

Последняя из двадцати восьми сборок имела номер Даниила; её место в журнале противоречило времени. Источники полей назывались profile, event, observer, route. Первые два вели к таблице на накопителе и журналу семинара, остальные — к отсутствующим сетевым адресам.

— Значит, карточка могла собраться после вопроса из журнала мероприятия, — сказал Глеб. — Имя — из профиля, эксперт — из базы связей, звонок — из маршрута. Не нужно знать будущее. Нужна хорошая слежка и быстрый экспорт.

— Накопитель передали через несколько минут.

— Если сборка автоматическая, хватит секунд.

— Подписать, скопировать на SSD, прийти в пресс-комнату?

— Носитель мог быть подключён к машине в здании. Мужчина мог ждать сигнала. Или персональный файл был готов заранее, а вопрос угадан.

В журнале сборки индекс и карточка шли после основной выгрузки. Это допускало позднее добавление, но сам журнал тоже можно было переписать. Счётчики SSD не позволяли датировать запись отдельных файлов.

— Если карточка обновится без сети, — сказал Даниил, — тогда будет интересно.

— Она не обновится. А если обновится, сначала проверим, не записал ли что-то просмотрщик.

Глеб записал три версии происхождения: карточку подготовили заранее, собрали после вопроса или подменили при копировании. Первая требовала подготовленного сценария и знания его привычек, вторая — сообщника и доступа к ключу, третья — незамеченной компрометации машины.

— Ни одна не требует будущего, — сказал он.

— И ни одна пока не доказана.

— Так выглядит нормальная работа. Поздравляю.

Глеб выругался тихо и уважительно.

— Всё равно не будущее, — сказал он. — Ключ мог быть у источника сегодня.

— Но зачем тогда ставить старую подпись?

— Чтобы мы сидели здесь до утра и задавали этот вопрос.

В свойствах сертификата был указан рабочий адрес ликвидированной лаборатории. Домен больше не существовал. Телефон принадлежал теперь магазину светильников. Даниил нашёл старую страницу университета: Савельев, руководитель проекта; Вельская, научный сотрудник; тема — «Влияние формализованных ожиданий на последовательность целевого поведения». В описании не было ни архивов, ни наблюдателей, ни подтверждений.

Зато в списке публикаций отсутствовал итоговый отчёт. Проект шёл три года, получил финансирование и закончился без статьи.

— Завтра она либо всё объяснит, либо выгонит меня снова, — сказал Даниил.

— Сначала поспишь.

— После редакции.

— Поэтому научная журналистика выглядит уставшей.

В пять утра они выключили машину и запечатали две копии. Глеб расписался на пакетах, Даниил поставил время. Оригинал остался в сейфе студии.

На улице светлело. Метро ещё не открылось, такси стоило как половина гонорара за заметку. Даниил пошёл пешком до Садового кольца. Город был пуст настолько, что любой автомобиль казался следующим за ним. Он трижды заметил серый седан, хотя в Москве половина седанов были серыми.

У подъезда он наконец включил звук телефона. Лида не звонила.

Дома Даниил поставил чайник и открыл рабочую почту на старом планшете. Письмо Марине он написал коротко: «Есть документы с электронной подписью В. С. Савельева и формулировками исследования 2011–2014 годов. Нужна очная проверка. Без публикации до вашего согласия». Приложений не добавил.

Перед отправкой он вернулся к распечатке персонального файла. В служебном слое PDF Глеб нашёл скрытую строку и прислал с пометкой: «Это могло быть добавлено когда угодно. Не драматизируй».

Строка содержала имя Марины и точное время письма, которое Даниил ещё не отправил. Время наступало через две минуты.

Он мог подождать, сломать совпадение или отправить сейчас и быстрее получить встречу. Любой выбор уже происходил внутри чужой рамки.

Даниил подождал до указанного времени, затем ещё три минуты и нажал «Отправить».

В скрытой строке время осталось прежним. Прогноз не сбылся на сто восемьдесят семь секунд. Это была первая настоящая неудача архива, и она принесла ему неожиданное облегчение.

Через минуту Марина ответила: «Сегодня, 19:00. Ничего не пересылайте. И не звоните Савельеву».

Вторым сообщением Глеб прислал продолжение скрытого слоя: там дословно стояла тема письма Марины. Отправитель мог знать её привычки или читать почту. Никакого будущего.

Но в персональной карточке следом стояла другая последовательность: звонок Алексею Мельникову, затем Лиде, затем Ирине с вопросом, следует ли прекращать материал.

Он не собирался звонить Лиде. Он уже решил позвонить Алексею раньше Марины. И Ирине он никогда не задавал вопрос, прекращать ли расследование.

Если файл действительно создали до семинара, кто-то не просто ждал его расследования, но заранее знал, какой именно вопрос он задаст первым и кому позвонит после возвращения из редакции домой.

Глава 3. Справка

Марина Вельская не любила, когда незнакомые мужчины сообщали ей, что нашли её прошлое.

Особенно если делали это утром в субботу, писали с адреса научного журнала и обещали не публиковать документы «до согласия». Последняя формулировка означала, что после согласия опубликуют, а если согласия не будет — начнут обсуждать общественный интерес.

Она ответила Даниилу Корневу раньше, чем успела решить, стоит ли отвечать. Потом перечитала письмо и отменила занятие в бассейне.

В десять ей позвонила Ника Орлова, координатор их новой группы. По голосу было слышно, что она идёт: короткое дыхание, светофор, гул проспекта.

— Ты видела правки комиссии? — спросила Ника.

— Какие именно?

— Они хотят убрать публикацию нулевых результатов из обязательных условий. Формулировка: «в пределах ресурсов проекта».

Марина открыла на планшете последнюю версию заявки. Их исследование не обещало сенсаций. Они собирались проверить, насколько заранее сформулированное ожидание меняет решения участников, если экспериментатор не знает их целей, а результат регистрируется до анализа. Двести сорок человек, три группы, открытый код, заранее описанные исключения. Никакой Вселенной. Именно поэтому фонд торговался за каждую строку: аккуратный отрицательный результат плохо выглядел в годовом отчёте.

— Не убирай, — сказала Марина.

— Тогда совет может перенести решение на осень.

— Пусть переносит.

— У нас договоры у четырёх человек заканчиваются через месяц.

— Знаю.

— Ты всегда говоришь «знаю» тем голосом, после которого платить всё равно приходится мне.

Марина молчала. Соблазн согласиться был не теоретическим. Без финансирования Ника уйдёт в коммерческие исследования, два аспиранта вернутся к руководителям, которым нужны красивые эффекты, аренду кабинета придётся закрыть. Если заменить одно обязательное слово на расплывчатую оговорку, проект стартует в срок.

— Нулевой результат должен существовать на тех же правах, что положительный, — сказала она. — Иначе мы снова проведём исследование, которое исчезнет, потому что никому не понравился итог.

Ника услышала в слове «снова» то, чего Марина не собиралась объяснять.

— Это про Савельева?

— Это про процедуру.

— Конечно. Тогда подпиши отказ от правок до двенадцати. Я отправлю.

После звонка Марина внесла в заявку жёсткую строку: полный обезличенный массив публикуется независимо от направления эффекта. Нажала электронную подпись. Решение стоило группе месяца неопределённости, но возвращало ей одну вещь, которой не было в старом исследовании: результат нельзя будет забрать из шкафа и объявить повреждённым.

Через пять минут Марина снова открыла письмо Корнева: «Есть документы с электронной подписью В. С. Савельева».

Марина посмотрела на только что подписанную заявку и поняла, почему не может просто переслать журналиста юристу. Если старые формы действительно оказались у Арсеньева, новый проект начинался не с чистой процедуры. Любая публикация могла превратить её участ-

ников в материал для чужой охоты за подтверждениями. Любое молчание оставляло систему без проверки.

Она позвонила университетскому архивариусу, представилась и попросила поднять опись проекта 2011–2014 годов.

— В выходные хранилище закрыто, — ответила женщина.

— Мне нужна только карточка передачи.

— Письменный запрос в понедельник.

— Кто указан ответственным хранителем?

Клавиши щёлкали долго.

— Вадим Сергеевич Савельев. Передача временная, до завершения повторного кодирования.

— Есть отметка о возврате?

— В электронной описи нет.

— А о списании?

— Тоже нет. Но старая опись могла быть неполной.

Марина записала номер карточки. Попросила ничего не менять и сохранить журнал запроса. Архивариус рассмеялась:

— Я и не могу менять. У меня только чтение.

Эта простая защита данных показалась Марине почти роскошью.

К полудню в лаборатории никого не осталось. Двое аспирантов ушли проводить онлайн-сессию, администратор закрыла кабинет и напонила про сигнализацию. Марина сказала, что задержится из-за отчёта. Это не было ложью: вся её профессиональная жизнь в последние годы состояла из отчётов, которые задерживали другие разговоры.

Она нашла статью Корнева о «Практике факта». Старую, полугодовую давности. Текст был умным, злым и недостаточно честным: он точно разобрал слабые ссылки на нейронауку, но представил всех участников одинаково внушаемыми. В середине был анонимный случай женщины после выгорания. Детали выглядели слишком личными для иллюстрации, и Марина подумала, что автор либо получил полное согласие, либо убедил себя, что получил.

В комментариях его обвиняли в заказе конкурентов, материализме и неспособности принять «новую физику». Корнев отвечал только на вопросы об источниках. Это было в его пользу.

В девятнадцать ноль три он вошёл в переговорную с опозданием на три минуты и положил на стол запечатанный пакет.

— Вы специально? — спросила Марина.

— Что?

— Время.

Он замер, потом понял.

— Специально. Проверял одну строку.

— Уже плохо.

— Почему?

— Вы позволили документу изменить ваше поведение до проверки документа.

Он снял куртку. Тридцать семь, может быть тридцать восемь; уставший, небритый, с лицом человека, который всю ночь спорил и ни разу не победил. Она знала его по конференциям: задавал вопросы так, будто ответчик уже присягнул.

— Поэтому я пришёл к вам, — сказал он.

— Нет. Вы пришли ко мне потому, что моё имя было в файле.

— И потому, что там подпись Савельева.

Имя сделало именно то, ради чего он его произнёс. Марина почувствовала, как внимание сузилось до пакета.

— Покажите.

— Сначала условия.

— Вы назначаете условия в моей лаборатории?

— Там личные данные. Я не оставлю копию, вы ничего не фотографируете, имён участников не записываете. Если узнаете документы, говорите только то, что готовы подтвердить под запись. Диктофон включаю с вашего разрешения.

— Как предусмотрительно.

— Редактор у меня предусмотрительная.

— А вы?

— Я принёс неизвестный архив человеку, чьё имя в нём указано.

— Наконец проверяемое утверждение.

Марина разрешила запись. Он включил два диктофона, положил их по краям стола и зафиксировал время вслух. Потом разрезал пакет. Внутри лежали распечатки, отдельный чистый ноутбук и акт копирования с контрольными суммами.

— Вы решили произвести впечатление цифровой гигиеной?

— Специалист запретил подключать носитель к сети.

— Это разумно.

— Ему будет приятно узнать, что вы одобрили.

Даниил открыл первый протокол.

Марина увидела фразу и не сразу поняла, что задержала дыхание.

Опишите результат так, чтобы два независимых проверяющих одинаково решили, наступил он или нет.

— Откуда это? — спросила она.

— Папка «Протоколы». Ранняя версия. Автор в свойствах V. S., манифест подписан сертификатом Савельева.

— Сертификат можно украсть.

— Можно.

— Дату можно изменить.

— Можно.

— Текст мог перепечатать любой, кто видел форму.

— Кто видел?

Марина продолжила читать.

Второй пункт: **Укажите событие, которое будет считаться отсутствием результата.**

Третий: **Зафиксируйте срок до обсуждения маршрута.**

Она перевернула страницу. Внизу стоял индекс 01–А, которого не было ни в одной публикации лаборатории.

— Вы узнаете? — спросил Корнев.

— Узнаю тип документа.

— Это не ответ.

— Это предел ответа на данном этапе.

— Формулировка принадлежит Савельеву?

— Первая — нет.

Он чуть подался вперёд.

— Кому?

— Мне.

Комната стала теснее. За стеклянной стеной автоматически погас свет в коридоре. Марина не пошевелилась, и датчик не включил его снова.

— Она публиковалась? — спросил Корнев.

— Нет.

— В диссертации, отчёте, заявке?

— Внутренней методичке. Я написала её для кодировщиков. Изначально было: «Два независимых оценщика должны прийти к одинаковому заключению о наличии исхода». Савельев сказал, что участники не поймут, я переписала.

— Сколько экземпляров?

— Не знаю. Электронная версия была на сервере группы, бумажные — у исследователей.

— Кто имел доступ?

— Двенадцать человек точно. Возможно, администраторы, этический комитет, аудиторы фонда.

— Арсеньев?

— Тогда я о нём не слышала.

— А позже?

— Позже слышали все.

Корнев не улыбнулся. Он передал следующую страницу — позднюю редакцию. Исследовательский язык сменился инструкциями наблюдателю. Но скелет оставался тем же: конкретный исход, заранее заданное неподтверждение, срок, препятствие, план действия, цена.

— Это не манифестация, — сказала Марина.

— На сцене Арсеньев называет это маршрутом факта.

— Он взял ментальное сопоставление, реализационные намерения, постановку целей и упаковку для людей, которые покупают надежду.

— Пока совпадаем.

— Не радуйтесь. В вашей прошлой статье вы назвали сам метод бессмысленным.

— Я назвал бессмысленным космическое объяснение.

— Вы написали: «Формулировка не меняет результат».

— Формулировка сама по себе.

— Слов «сама по себе» там не было.

Он посмотрел на неё с раздражением человека, пойманного на своей же пунктуации.

— Вы запомнили?

— Я использовала вашу статью на занятии. Как пример того, что фактчекинг не спасает от лишнего вывода.

— Рад быть полезным.

— Вы не были.

Марина взяла ранний протокол снова. Бумага была новой, печать — сегодняшней, но взгляд цеплялся за порядок полей. Не за слова. Порядок она составляла вместе с Савельевым в декабре 2011 года, после первых двадцати интервью, когда участники задним числом превращали частичные совпадения в полные. Тогда это казалось обычной методологической проблемой.

— Где полный архив? — спросила она.

— На носителе. Оригинал у специалиста. Есть подтверждения, отказы, наблюдатели и папка исследования.

— Вы открывали исследование?

— Только индекс и подписи.

— Почему?

— README велел не сообщать вам о папке до проверки первой формулировки.

Марина резко подняла голову.

— И вы подчинились?

— Я сообщил.

— После проверки.

— Да.

— Значит, подчинились.

— Я собирался показать протокол первым независимо от инструкции.

— Теперь вы уже не можете это проверить.

Он замолчал. В этом молчании впервые не было заготовленного возражения.

— Кто передал носитель? — спросила Марина.

Даниил описал мужчину в серой футболке, бейдж «Отсутствие», отключённую камеру. Имени не было. Лица на записи — тоже. История звучала ровно так, как звучат истории, которые журналисты обычно вырезают из материалов: слишком удачная неизвестность, слишком своевременная поломка.

— Вы ему поверили?

— Я проверяю содержимое.

— Это не ответ.

— Тогда нет. Но я поверил, что он хочет, чтобы содержимое проверили.

— Уже точнее.

Марина попросила открыть индекс исследования. На экране появились названия сессий и коды участников. Она узнала структуру проекта, хотя часть номеров не соответствовала официальной системе. После сессии 118 шла 118-А, затем 119. В опубликованном реестре дополнительных индексов не было.

— Что означает «А»? — спросил Даниил.

— Не знаю.

Он посмотрел так, будто давал ей возможность исправиться.

— Не помню, — сказала она. — Это другое утверждение. Но я не помню таких номеров.

Они открыли карточку 118-А. Почти всё было закрыто серыми прямоугольниками — источник сам удалил личные данные. Остались дата, формулировка результата и пометка: «Подтверждено до вмешательства».

— Какого вмешательства? — спросил Даниил.

— В нашем исследовании вмешательством была процедура: участник формулировал цель, сопоставлял её с препятствием, составлял план.

— А здесь есть поле «оператор».

— У нас не было операторов.

— Уверены?

— Я руководила сбором данных.

— Савельев руководил проектом.

— Вы хотите обвинить его сейчас или сначала собрать факты?

— Я хочу понять, почему итоговый отчёт не опубликован.

Марина закрыла карточку.

— Исследование не дало устойчивого эффекта по основному исходу.

— Какому?

— Целевому поведению через двенадцать недель. Были небольшие изменения на коротком сроке, сильная неоднородность, проблемы с выбыванием участников. Ничего, что оправдывало бы громкие выводы.

— Поэтому три года работы закончились без статьи?

— Статья была подготовлена.

— Где она?

— Савельев отозвал рукопись до рецензирования.

— Почему?

— Сказал, что обнаружена ошибка в кодировании исходов.

— Обнаружена?

— Да.

— Какая?

Марина помнила письмо. Не текст целиком — время, когда увидела его на телефоне: 02:14. «Категория подтверждения неустойчива. Публикацию приостанавливаю». Утром Савельев забрал бумажные формы из шкафа. Через неделю сервер очистили после «миграции». Она протестовала, но недостаточно громко, чтобы это стало официальным протестом.

— Часть участников меняла критерии после исхода, — сказала она. — Частичное совпадение кодировали как подтверждение. Мы собирались провести повторную слепую оценку.

— Провели?

— Нет.

— Данные исчезли?

— Серверный массив признали повреждённым.

— А бумажные формы?

— Архив передали Савельеву на хранение.

— Вы проверяли?

— Нет.

Корнев сделал отметку. Марина услышала скрип ручки и разозлилась именно на звук.

— Не превращайте это в признание соучастницы, — сказала она. — На тот момент речь шла о неудачном исследовании поведенческой процедуры, а не о людях, которые тайно устраивают чужие повышения.

— Вы сами выбрали слово «соучастница».

— Потому что знаю, как строится ваш жанр. Сначала специалист говорит, что не уверен. Потом из текста исчезает «не», остаётся эффектный абзац о годах молчания.

— Запись у вас будет.

— Запись не защищает от монтажа.

— Тогда сформулируйте условие, при котором вы готовы участвовать.

Марина посмотрела на него внимательнее. До сих пор Корнев пытался получать ответы. Теперь впервые предложил ей определить правила.

— Не одно условие. Первое: ни одна карточка с участником не выходит из этой комнаты без обезличивания, которое проверяю я или независимый специалист по данным. Второе: вы не связываетесь с человеком, пока не установите, что согласие на контакт не было получено через манипуляцию. Третье: отрицательные случаи получают в материале столько же аналитического веса, сколько подтверждения.

— «Столько же» — непроверяемо.

— Тогда публикуете знаменатель и правила исключения.

— Если найдём полный массив.

— Если не найдём, прямо пишете, что оценить долю невозможно.

— Ещё?

— Вы не используете старое исследование как мистическую предысторию.

— Даже если в нём останутся необъяснённые случаи?

— Особенно тогда.

— Это уже контроль вывода.

— Это защита от вашего привычного вывода.

Даниил отодвинул блокнот.

— А ваше условие для себя?

— Что?

— Вы отлично знаете, что должен делать журналист. Что будете делать вы, если архив настоящий?

Вопрос оказался грубым, но не пустым. Марина могла ограничиться идентификацией фразы и вернуться к заявке. Репутационный риск относился к ней, конфиденциальность —

к участникам, коммерческое использование методики — ко всем, кто покупал продукт. Эти интересы не совпадали.

— Я восстановлю исходный протокол и опись данных, — сказала она. — Установлю, какие формы действительно существовали до Арсеньева. Если выяснится, что Савельев передал материалы без согласия участников, сообщу этическому комитету и самим участникам до публикации.

— Это может занять месяцы.

— Ваша дата номера не является законом природы.

— За месяцы архив можно уничтожить.

— Поэтому мы фиксируем его существование сейчас, передаём хеши нотариусу и помещаем зашифрованную копию двум независимым хранителям. Без персональных ключей.

— Вы это быстро придумали.

— Я один раз уже согласилась подождать, пока руководитель сам разберётся с данными. Корнев потянулся к диктофону, вспомнил, что тот включён, и остановил руку.

— Это можно цитировать?

— Нет.

— Почему?

— Потому что сначала я хочу проверить, не переписываю ли собственную роль задним числом. У меня были письма. Возможно, я возражала меньше, чем помню.

Ему явно не понравился отказ, но он кивнул.

— У меня тоже условие, — сказал Даниил. — Вы не получаете права задержать публикацию только потому, что вывод угрожает заявке, лаборатории или Савельеву.

— Савельеву я ничего не должна.

— А заявке?

Марина поняла, что он успел заметить открытый документ на её планшете. Заголовок проекта был виден, когда он вошёл.

— Откуда вы знаете о заявке?

— Не знаю. Вы только что подтвердили.

На секунду ей захотелось выставить его за дверь. Корнев увидел это и не отвёл взгляд.

— Именно так работает ваш метод? — спросила она. — Бросить широкую версию и считать реакцию данными?

— Именно так часто работают интервью. Поэтому я не включу это в материал.

— Великодушно.

— Практично. Мне нужен человек, который не даст мне принять реакцию за доказательство.

— Это не союз, Корнев.

— Согласен. В союзе обычно доверяют.

— А у нас?

— Совпадает ближайшая задача.

Марина встала, взяла со стола чистый лист и разделила его вертикальной линией. Слева написала: «Установить происхождение». Справа: «Не навредить людям». Под первым поставила фамилии Савельева и Арсеньева, сертификат, сервер, версии форм. Под вторым — согласия, обезличивание, порядок контакта, срок уведомления.

— Если действие помогает одной колонке и разрушает вторую, мы его не делаем, — сказала она.

— Иногда публикация по определению причиняет вред.

— Тогда вы показываете, почему общественный интерес перевешивает конкретный риск, а не называете любой ущерб ценой правды.

— Вы хотите редактировать исследование.

— Я хочу не позволить расследованию повторить эксперимент без согласия.

Он прочитал список и добавил в левую колонку: «Установить, кто составил мою карточку». Марина ниже приписала: «Не выполнять её последовательность автоматически».

— Уже выполнили, — сказал он.

— Поэтому дальше будет сложнее.

Они сфотографировали лист обоими телефонами и отправили копии самим себе. Это не было договором, но создавало момент, после которого каждый сможет показать другому первоначальные правила.

— У меня новый проект, — сказала Марина. — Мы заранее публикуем процедуру и обязуемся открыть нулевые результаты. Если старые данные всплывут как часть коммерческой системы, фонд может остановить финансирование. Я всё равно буду проверять архив. Не потому, что ваша публикация важнее лаборатории, а потому, что без проверки новый проект будет построен на скрытом конфликте.

— Это можно цитировать?

— Когда фонд получит моё уведомление.

— Когда отправите?

— После подтверждения хотя бы одного документа вне этого носителя.

— Значит, Алексей.

— Значит, сначала его добровольное согласие.

— Я пока не знаю, устраивают ли в программе проверки соперников.

— Но уже выбрали глагол.

— В архиве есть карточка участника Алексея Мельникова. После записи о должности оператор активировал проверку его соперника.

— И вы решили звонить ему раньше, чем установили значение поля.

— Именно для этого и позвоню.

— Участнику коммерческой программы, которого неизвестный включил в утечку с личными данными. Вы сообщите ему, что знаете его цель и имя соперника?

— Получу согласие на разговор.

— А если сам звонок разрушит ему жизнь?

— Вы предлагаете не проверять?

— Я предлагаю сначала понять, кто и зачем направляет вас по этому маршруту.

Слово повисло между ними. Марина ненавидела, что воспользовалась термином архива. Корнев отложил ручку.

— Хорошо. Что бы вы сделали?

— Проверила бы происхождение фраз вне самого архива. У меня сохранились бумажные материалы.

— Здесь?

— Дома.

— Поедем.

— Вы — нет.

— Почему?

— Потому что там моя квартира.

— Веская методология.

— И потому что я не решила, участвую ли в вашем расследовании.

— Но уже участвуете.

— Не используйте их риторику на мне.

Она встала и подошла к шкафу с текущими папками. На верхней полке стояли методические справки для студентов. Марина достала одну, пролистала и положила перед ним.

— Когда вы проверяете документ, не начинайте с того места, которое выглядит сенсационнее. У любой справки самое важное иногда находится в начале: кто составил, когда и для кого.

— Это совет или цитата из протокола?

— Это просьба не испортить мне ещё одни выходные.

В старой методичке для кодировщиков первая страница содержала правила слепой оценки. Формулировка совпадала с архивом, но документ был выпущен в 2013 году, тогда как архив приписывал протоколу дату 2011-го.

— Значит, архив ошибается, — сказал Даниил.

— Или ранняя версия существовала до методички.

— Вы сказали, что написали фразу.

— Написала. Не помню дату.

— Можно проверить свойства файла.

— Файл не сохранился.

— Письма?

— Возможно.

— Совместные документы?

— Возможно.

— Коллеги?

— Возможно. Именно поэтому я не заявляю, что формулировку мог знать только один человек.

Корнев признал это кивком. Он начинал раздражать Марину меньше, когда молчал.

Они просмотрели ещё три карточки. В каждой были детали старого исследования и более поздние слои. Один участник сообщал о случайной встрече с инвестором; в журнале оператор за три дня до встречи изменил раскладку на конференции. Другая получила нужное место в клинике после того, как неизвестный отменил чужую запись. Третий нашёл потерянного отца через рекламный показ генеалогического сервиса. Все события могли быть устроены людьми. Ни одно не требовало неизвестной силы. Но участникам вмешательства предъявлялись как «ответ реальности».

— Если журналы настоящие, это манипуляция, — сказал Даниил.

— Если участники дали согласие на подбор возможностей, юридически всё сложнее.

— Человек согласился на рекомендации, не на тайное изменение чужих решений.

— Я не защищаю систему. Я отделяю моральный вывод от доказанного действия.

— Вы всё время так говорите?

— Только когда журналист приносит мне папку с будущим.

На одной карточке Марина заметила код «Н-17». Тот же, что у Алексея.

— Что?

— Ничего.

— Вы узнали код.

— Я видела похожую систему обозначений.

— Где?

— Не помню.

— Снова?

— Память не становится точнее от вашего тона.

Она попросила увеличить строку. «Н» могло означать наблюдателя. В старых бланках так обозначали независимых оценщиков: Н-1 и Н-2. Но номера выше двенадцати в их группе не использовали.

— У нас кодировщики назывались наблюдателями, — сказала Марина. — Они не знали цели исследования и определяли, подтверждён исход или нет.

— Мог один из них вмешиваться?

— Они работали с обезличенными текстами после сбора данных.

— По официальной процедуре.

— По процедуре, которую я контролировала.

— До того как сервер повредился.

Марина закрыла ноутбук.

— На сегодня достаточно.

— Нет.

— Тогда продолжайте без меня.

— Вы узнаете документы, ваши фразы оказались в коммерческой системе, итоговый массив исчез, а теперь вы прекращаете разговор на коде оператора. Мне нужно понять почему.

— Вам нужно получить красивую сцену сопротивления свидетеля. У меня нет обязанности её предоставить.

— Вы не свидетель?

— Пока я источник, который не дал согласия на цитирование.

— Диктофон записывает.

— С разрешения на проверку документов. Не на публикацию личной истории.

Он выключил оба устройства. Это произошло сразу, без торга, и разозлило её ещё сильнее: теперь Корнев мог считать себя корректным.

— Хорошо, — сказал он. — Без записи. Почему вы остановились?

Марина посмотрела сквозь стекло в тёмный коридор. Датчик снова не включал свет. В отражении за её плечом стоял Савельев — не человек, конечно, только память о том, как он умел ждать ответа, не помогая собеседнику.

— В конце исследования была группа случаев, которые нельзя было нормально закодировать, — произнесла она. — Не потому, что исходы были чудесными. Потому что записи оказывались слишком точными, а путь к результату никто не мог восстановить.

— Сколько?

— Не знаю. Несколько.

— Вы их видели?

— Два.

— Что произошло?

— В одном участница записала получение письма от человека, с которым не общалась девять лет. Срок — неделя. Письмо пришло.

— Она могла сама подать сигнал через общих знакомых, социальные сети, что угодно.

— Да.

— Второй?

— Мужчина записал номер палаты, в которую его переведут после операции.

— Он знал больницу?

— Да.

— Номерной фонд конечный.

— Да.

— Совпадения.

— Возможно.

— Почему это остановило статью?

— Не остановило. Статью остановили ошибки кодирования.

— Вы сами верите в этот ответ?

— Вера здесь не метод.

Он помолчал.

— Где сейчас эти два случая?

— Я думала, в утраченном массиве.

— А они есть в архиве?

— Один. Карточка 118-А.

Даниил снова открыл её. Формулировка результата была скрыта серым полем, но служебные данные содержали категорию: «сообщение после отсутствия контакта». Марина узнала дату. Это была участница с письмом.

— Кто подтвердил исход? — спросил он.

В поле независимого оценщика стояли инициалы М. В.

— Я.

— Вы видели оригинальную запись до письма?

— Видела скан с отметкой системы.

— Оригинал письма?

— Копию и заголовки электронной почты.

— Устанавливали, не было ли контакта через третьих лиц?

— У нас не было таких полномочий.

— Значит, вы подтвердили только совпадение записи и события.

— Именно.

— А потом материал исчез.

— Да.

— Почему вы никогда об этом не рассказывали?

— Потому что два случая на фоне сотен не доказывают механизм. Потому что персональные данные защищены. Потому что я не собиралась кормить рынок историями, которые он превратит в чудеса.

— И потому что боялись за репутацию?

Марина посмотрела на него.

— Конечно. Вы ожидали более благородный ответ?

— Нет. Более полный.

Она взяла распечатку карточки. Внизу, где в старых формах стоял номер версии, была строка: «Внешний маршрут: отсутствует». Это соответствовало процедуре: никто не должен был вмешиваться. Но под ней мелким шрифтом значилось: «Предварительный контакт произведён до фиксации наблюдателем».

— Этого не было, — сказала Марина.

— Чего?

— Поля предварительного контакта. В нашей форме такого не было.

— Поздняя приписка.

— Возможно.

— Кто мог её сделать?

— Тот, кто собирал архив.

— Что означает «до фиксации наблюдателем»?

— Буквально — кто-то связался с участницей раньше, чем я подтвердила исход.

— После её записи или до?

— Не указано.

Корнев открыл журнал изменений карточки. Первая версия содержала только исходную форму. Во второй появилось поле контакта. Автор изменения — «VS». Время — за шесть часов до поступления письма участнице.

— Подделывается, — сказал Даниил уже без её подсказки.

— Да.

— Но если нет?

Марина не ответила.

После её кивка он открыл персональную карточку со своим именем. Показал будущую дату, последовательность контактов, скрытую строку с её ответом. Марина прошла те же объяснения: доступ к почте, профиль поведения, вставка после передачи, ключ Савельева, сообщник в редакции. Все были возможны.

— Вы изменили время письма на три минуты, — сказала она.

— Да.

— И считаете это опровержением?

— Одной строки.

— Правильно.

— Вы разочарованы?

— Я пытаюсь понять, почему вы хотите, чтобы я была.

Он закрыл карточку. Внизу списка находился текстовый файл без названия, только индекс: 00_СПРАВКА. Даниил сказал, что ещё не открывал его. Марина потребовала сначала зафиксировать контрольную сумму и свойства. Он позвонил Глебу; тот подтвердил файл и продиктовал хеш. Только после этого они открыли текст.

Справка описывала процедуру их встречи: первая формулировка, спор о публикации, карточка 118-А, признание Марины о двух неоднозначных случаях. Некоторые пункты были общими, некоторые — недопустимо точными. В конце приводилась её фраза о справке и начале документа. Не дословно, но близко: «Самое важное ищите в начале: составитель, дата, адресат».

— Вы могли говорить это раньше? — спросил Даниил.

— Студентам. Коллегам. На занятиях.

— В открытой записи?

— Возможно.

— Вы всё ещё считаете, что нас просто ведут по подготовленному сценарию?

— Именно это здесь и написано. Текст предлагает тему, вы задаёте ожидаемые вопросы, я реагирую на собственные документы. Никакого предвидения не требуется.

— Но мы открыли справку после разговора.

— Она могла быть написана человеком, который хорошо знает нас обоих.

— Савельевым?

— Или тем, кто прочитал мои материалы и ваши статьи.

В самом конце справки стояла одна строка, отделённая пустым полем. Марина сначала решила, что это служебная пометка. Затем прочитала дату создания следующей карточки — завтрашнее число — и имя первого участника, которому Даниил собирался звонить: Алексей Мельников.

Под именем было указано: «Согласие на контакт получено до запроса журналиста».

— Вы никому не писали? — спросила она.

— Нет.

— Арсеньеву?

— Только официальный запрос камеры и общий запрос комментария через редакцию.

Имя Алексея не называли.

— Глеб?

— Он видел карточку.

— Ирина?

— Знает об архиве, не об имени.

— Значит, источник или следит за копией, или знает, какой случай вы выбрали.

— Или Алексей уже дал согласие кому-то другому.

В служебном примечании следом было записано время звонка — 11:40 — и фраза участника, которой пока не существовало.

Марина перечитала последнюю строку и впервые за вечер перестала объяснять увиденное обычной технической ошибкой архива.

Глава 4. Первый свидетель

В воскресенье в одиннадцать тридцать две Даниил сидел в машине напротив дома Алексея Мельникова и смотрел, как курьер с букетом пытается войти в закрытый подъезд.

Звонок был назначен на 11:40 не ими. Сам Алексей предложил это время в письме, пришедшем в 08:16 с адреса, указанного в архивной карточке. Письмо начиналось словами: «Мне сообщили, что вы будете проверять мою историю». Кто сообщил, Алексей не написал.

Даниил ответил, что не имеет права обсуждать документы без подтверждения личности и согласия. Алексей прислал номер телефона, голосовое сообщение и предложил встретиться у него дома. Марина назвала домашнюю встречу лишним риском и потребовала нейтральное место. В итоге договорились о кафе в соседнем бизнес-центре, но Даниил приехал раньше проверить, не наблюдает ли кто-нибудь за подъездом.

— Вы правда думаете, что увидите человека в плаще? — спросила Марина, садясь в машину.

— Сейчас август.

— Человека в дышащем плаще.

— Я смотрю, не повторится ли серый мужчина.

— Вы запомнили его лицо?

— Средне.

— Тогда он повторится несколько раз в каждом квартале.

Она поставила на панель стакан кофе и передала Даниилу второй. После ночного разговора они разъехались в два часа, договорившись ничего не предпринимать до утра. В восемь письмо Алексея отменило договорённость.

— Вы проверили адрес? — спросила Марина.

— Домен компании настоящий, SPF и подпись проходят, имя есть на сайте. Фото совпадает с публичным профилем. Телефон был указан в старом объявлении о продаже машины.

— То есть любой мог подтвердить эти данные.

— Да.

— Письмо не доказывает согласие именно Алексея.

— Поэтому встречаемся с видеоподтверждением личности и отдельным согласием.

— Вы всегда такой педант?

— Только после того, как вы назвали меня доказательным кликбейтом.

— Это было точное определение конкретного текста.

В 11:37 Алексей вышел из подъезда. Сорок один или сорок два, короткая стрижка, голубая рубашка, ни портфеля, ни сумки. Он оглядел улицу, увидел машину и сразу отвёл глаза. Через мессенджер пришло: «Я в кафе».

— Он соврал, — сказал Даниил.

— Или не хочет показывать, где живёт человеку с архивом личных данных.

Они дали ему три минуты и пошли следом.

Кафе занимало первый этаж офисного здания и в воскресенье было почти пустым. Алексей выбрал стол у стены, откуда видел вход и отражение зала в зеркальной панели. На столе лежал телефон экраном вниз.

— Кто из вас Корнев? — спросил он, хотя фотографии обоих можно было найти за минуту.

Даниил представился, затем Марина. Алексей заметно напрягся при её фамилии.

— Вы из лаборатории Савельева?

— Работала там, — ответила она. — Откуда вы знаете?

— Мне сказали.

— Кто?

— Давайте сначала вы покажете, что у вас.

Даниил не достал бумаги.

— Сначала подтвердите личность и согласие на разговор. Запись включается только после этого. Вы можете остановить её в любой момент. Мы не публикуем имя без отдельного согласия.

— Моё имя уже у вас.

— Именно поэтому.

Алексей показал паспорт, закрыв номер и адрес, затем на камеру назвал имя и подтвердил, что участвовал в «Практике факта». Публикацию имени не разрешил.

— Теперь показывайте.

Даниил положил перед ним исходную запись: «Я занимаю должность директора направления развития не позднее 1 июня 2025 года. Подтверждение — приказ работодателя и изменение записи в корпоративном справочнике».

Алексей прочёл и потёр большим пальцем край листа.

— Это мой текст.

— У вас сохранился оригинал?

— В приложении. И PDF в почте.

— Можете показать, не пересылая?

Он открыл облачное хранилище на телефоне. PDF был создан 14 февраля 2025 года, подписан электронной отметкой платформы. Формулировка совпадала, включая ошибку: «не позднее первое июня». В архивной копии ошибку исправили.

— Уже расхождение, — сказала Марина.

— Они потом корректировали грамматику, — ответил Алексей.

— До или после результата?

— Не помню.

— Важно установить.

— Должность я получил двадцать девятого мая. Какая разница, был падеж исправлен или нет?

— Для должности — никакой. Для происхождения файла — существенная, — сказал Даниил.

Алексей посмотрел на него внимательнее.

— Вы хотите доказать, что всё подделали?

— Я хочу восстановить, что произошло.

— Это не одно и то же?

— Иногда противоположное.

Марина спросила, как формировалась запись. Алексей пришёл на курс после того, как три года исполнял обязанности руководителя без должности. Начальник обещал повышение, но каждый квартал находилась причина отложить решение. В феврале должность открылась, однако на неё рассматривали ещё одного кандидата — Кирилла из финансового блока.

— На семинаре мне сказали убрать всё, что зависит от чужого решения, — рассказывал Алексей. — Я спорил: назначает генеральный, как убрать? Куратор ответил, что факт описывает исход, а маршрут — мои действия. Мы составили план. Если начальник снова говорит «позже», я прошу письменные критерии. Если критериев нет, отправляю предложение напрямую генеральному. Если не отвечают семь дней, иду на внешний рынок.

— Что вы сделали? — спросила Марина.

— Всё. Получил критерии, собрал результаты отдела, договорился о встрече. Параллельно сходил на два собеседования. Начальник понял, что я могу уйти.

— То есть протокол изменил ваше поведение.

— Да. Это вам недостаточно?

— Для объяснения пользы — достаточно. Для объяснения назначения — ещё нет.

Алексей отпил воду. Он пришёл подготовленным, но ожидал другого распределения ролей: журналист должен был нападать, психолог защищать метод. Марина разрушала эту схему спокойнее, чем Даниил смог бы.

— Когда вы узнали, что стали директором? — спросил он.

— Двадцать девятого мая, в четверг. Вызвали к генеральному, предложили подписать допсоглашение.

— Что случилось с другим кандидатом?

Алексей отвёл взгляд к зеркалу.

— Его сняли с рассмотрения.

— Почему?

— Нарушение в отчётности.

— Какое?

— Он согласовал платёж связанному подрядчику без раскрытия конфликта интересов.

— Вы знали об этом?

— Нет.

— Кто сообщил руководству?

— Внутренняя безопасность получила анонимное письмо.

— Когда?

— За неделю до моего назначения.

Марина положила ладонь рядом с диктофоном, не касаясь его.

— Вам показывали письмо?

— Нет.

— Вы уверены, что нарушение было реальным?

— Кирилл признал, что подрядчик принадлежал брату его жены. Платёж отменили. Его не уволили, просто перевели из проекта.

— Кто мог знать о связи?

— Половина финансового отдела, наверное. Не то чтобы они скрывали. Он должен был указать конфликт в форме и не указал.

— До анонимного письма это проверяли?

— Нет.

Даниил достал журнал действий, закрыв коды, которые не относились к Алексею.

— Здесь записано: «Внешнее условие: проверка кандидата К. Активировано оператором Н-17». Вы когда-нибудь видели эту строку?

Алексей прочитал, и цвет медленно ушёл с его лица.

— Нет.

— Знаете оператора Н-17?

— У меня был куратор. Девушка по имени Ольга.

— Фамилия?

— Кажется, Романова. В чате она была просто Ольга Факт.

— Она спрашивала о Кирилле?

— Нет. То есть... один раз спросила, что мешает назначению. Я написал, что есть второй кандидат.

— Имя называли?

— Не помню.

— Переписка сохранилась?

Алексей открыл чат приложения. История начиналась только с июня. Старые сообщения были недоступны после обновления.

- Обновление когда было? — спросил Даниил.
- В июле. Они предупреждали, что архив перенесут не полностью.
- Вы соглашались на удаление?
- Там было сообщение про новую политику хранения. Я нажал «принять».
- Копию политики получили?
- Наверное, на почту.

Они отодвинули чашки и освободили стол. Алексей выгрузил из почтового ящика все уведомления от платформы за февраль—май. Не открывая вложений, Даниил попросил его сохранить оригиналы с техническими заголовками в отдельную папку. Марина на бумаге начертила три колонки: запись участника, действие участника, внешнее событие.

Первое письмо пришло сразу после семинара. В нём повторялась исходная цель и предлагалось назвать препятствия. Второе содержало план из трёх действий. Третье — приглашение на консультацию по переговорам. В четвёртом система спрашивала, кто принимает окончательное решение и «какие альтернативные кандидаты могут изменить маршрут».

Алексей отвечал на вопросы через форму. Копии ответов приходили без заполненного текста, но в браузере сохранилась история автозаполнения. Среди старых значений были имя генерального, фамилия начальника и инициалы Кирилла.

- Значит, имя всё-таки вводили, — сказал Даниил.
  - Инициалы. У нас таких могло быть несколько.
  - Должность и подразделение сужают круг до одного.
- Алексей провёл ладонью по лбу.
- Я не думал, что они будут что-то делать с этим. Это упражнение: назови препятствие.
  - Что было написано рядом с формой согласия? — спросила Марина.
  - Не помню.

Даниил нашёл в архиве снимок интерфейса той версии. Под полями стояло: «Сведения используются для персонализации маршрута, рекомендаций и доступных возможностей». Отдельного согласия связываться с работодателем или проверять кандидатов не было.

— Юрист скажет, что «персонализация» включает анализ данных, — сказал он. — Но отправку анонимных сообщений третьим лицам в эту формулировку вставить трудно.

— Если отправляла платформа, — напомнила Марина.

Они восстановили хронологию. Четырнадцатого февраля Алексей создал запись. Семнадцатого запросил письменные критерии повышения. Двадцать второго отправил план развития отдела. В начале марта генеральный отказался встречаться. Тогда Алексей обновил резюме и сходил на первое собеседование. К концу месяца у него появилось внешнее предложение, но с меньшей зарплатой.

- Начальнику сказали? — спросил Даниил.
- Да. Не как угрозу. Спросил честно, есть ли смысл ждать.
- И что он ответил?
- Что решение будет в мае.
- До этого ваш шанс вырос?
- Думаю, да.

Марина подчеркнула в средней колонке четыре действия Алексея. Даже без анонимного письма они отличали февраль от предыдущих трёх лет. Он заставил руководство определить критерии, предъявил результаты, создал альтернативу уходу и сообщил о ней. Версия «протокол помог» имела наблюдаемую основу.

- Когда вы впервые узнали о проблеме Кирилла? — спросила она.
  - Двадцать третьего мая. Начальник сказал, что проверка почти закончена.
  - А до этого замечали что-то, что теперь кажется подозрительным?
- Алексей задумался.

— Он стал нервным. Несколько раз закрывался с безопасниками.

— Вы видели это тогда или знаете теперь, что встречи были с безопасниками?

— Тогда видел незнакомых людей.

— То есть смысл появился после.

Он раздражённо выпрямился.

— Вы хотите сказать, я всё придумал?

— Нет. Я хочу разделить наблюдение и позднее объяснение. Тогда: незнакомые люди.

Теперь: вероятно, безопасность.

Алексей посмотрел на её три колонки и, поколебавшись, сам зачеркнул слово «безопасники». Написал: «двое из службы безопасности — установлено позже».

— Так?

— Так точнее.

Даниил спросил, был ли конфликт интересов Кирилла известен публично. Алексей открыл сайт подрядчика. В разделе контактов фамилия владельца не указывалась. В государственном реестре учредитель был виден, но родственную связь с женой Кирилла требовалось установить через социальные сети или корпоративные данные. На старой фотографии с семейного праздника Кирилл отмечал владельца как «родня». Публикация была открытой.

— Найти можно за двадцать минут, если знать, кого проверять, — сказал Даниил.

— Но зачем кому-то проверять именно его? — спросил Алексей.

— Потому что вы назвали его препятствием системе, которая обещала строить маршрут.

— Или потому что он проводил платёж и кто-то в бухгалтерии увидел фамилию, — сказала Марина. — Или из-за внутреннего конфликта. Или проверка была плановой, а письмо лишь ускорило её. Нам нужен оригинал сообщения.

Алексей открыл корпоративную почту, но остановился на форме входа.

— У меня уже нет доступа к материалам проверки. Я и тогда видел только пересказ.

— Кто может подтвердить дату письма? — спросил Даниил.

— Руководитель безопасности. Генеральный. Начальник.

— Свяжетесь с ними?

— И скажу, что у неизвестного журналиста есть украденный журнал про моё повышение?

— Поэтому сначала юрист.

— Вы легко говорите «сначала». У меня в понедельник совет директоров.

— Значит, сегодня вы ничего не отправляете, — сказала Марина. — Ваша тревога сейчас является плохим основанием для необратимого действия.

— А если они сами узнают раньше?

— Тогда вы ответите фактами, которые уже установили. Запись была. Действия выполняли вы. О письме не знали. Происхождение журнала не установлено.

Даниил добавил:

— И не удаляйте ничего. Даже если покажется, что переписка выставит вас глупо.

— Спасибо.

— Это не оценка. Удаление выставит хуже.

Алексей сохранил письма и передал им только обезличенные копии после отдельного подтверждения. На листе Марины к моменту, когда они закончили, было восемнадцать строк. Пятнадцать объяснялись действиями самого Алексея и обычной работой компании. Три относились к анонимному письму. Вся загадка умещалась в треть последней колонки, но именно она меняла смысл остальных строк.

— У меня должны быть уведомления в почте.

Он искал несколько минут. Нашёл автоматическое письмо от 18 февраля. «Укажите все известные препятствия, включая людей, решения которых могут изменить исход». В ответе Алексей перечислил начальника, генерального и «второго кандидата К. Л., финансовый блок».

— Этого достаточно, чтобы установить человека внутри компании, — сказал Даниил.

— Но они не знали про нарушение.

— Могли проверить публичные реестры, соцсети, контрагентов.

— Или письмо отправил кто-то из финансового отдела, — добавила Марина. — Совпадение во времени ещё не связывает его с платформой.

— Тогда откуда журнал? — Алексей говорил громче. Бариста посмотрел в их сторону.

— Журнал может быть поддельным, — сказала Марина. — Или описывать обычную проверку после того, как она произошла. Мы пока не знаем.

— Кто дал вам это?

— Источник не установлен, — ответил Даниил.

— Арсеньев знает?

— Мы запросили комментарий без вашего имени.

— Удалите запись.

Даниил выключил диктофон.

— Разговор остановлен. Мы не используем сказанное без нового согласия.

— Я не об аудио. Мою запись у них. У вас. Ещё у кого-то. Там мой паспорт был, доход, место работы.

— В нашей копии паспортных данных нет.

— А откуда мне знать, что ещё есть в полной?

Он попытался войти в приложение «Практики факта». Пароль не подошёл. Восстановление не прислало письмо. Алексей позвонил по номеру поддержки; автоответчик сообщил, что в выходные доступен только чат.

— Мне позавчера кто-то звонил, — сказал он вдруг.

Даниил и Марина переглянулись.

— Кто?

— Номер скрыт. Я обычно не отвечаю, но ответил. Мужчина спросил, помню ли я формулировку первой записи и готов ли подтвердить её независимому проверяющему.

— Что вы сказали?

— Что готов, если журналист покажет оригинал.

— Он назвал журналиста?

— Нет.

— Время звонка?

Алексей открыл журнал. Вызов поступил в пятницу в 17:26 — до того, как Даниил впервые открыл его карточку на изолированной машине. По крайней мере, по их журналу работы это произошло после полуночи.

— Почему вы решили, что звонок связан с нами? — спросила Марина.

— Сегодня утром мне пришло сообщение: «Проверяющий получил архив. Дайте согласие до запроса, иначе разговор будет считаться вызванным им».

— Покажите.

Сообщение было в защищённом мессенджере от удалённого аккаунта. Скриншот не доказывал времени получения, но Алексей открыл системные данные уведомления. Восемь утра. К сообщению прилагался адрес Даниила в журнале и имя Марины.

— Поэтому вы написали мне, — сказал Даниил.

— Да.

— Вы не знали моего имени до сообщения?

— Знал по статье. Ваша сестра была у нас в группе.

Даниил почувствовал, как слова вошли слишком глубоко, прежде чем успел поставить защиту.

— Вы знали Лиду?

— Мы были в общем чате курса. Она спорила с куратором насчёт формулировок. Потом вышла.

— Вы общались лично?

— Пару раз. После вашей статьи она написала, что больше не хочет быть ничьим кейсом. Марина посмотрела на Даниила, но ничего не спросила.

— Возвращаясь к звонку, — сказал он. — Мужчина представился?

— Назвался наблюдателем.

— Голос узнаете?

— Не думаю.

— Запись вызова есть?

— Нет.

— Что ещё он сказал?

Алексей закрыл глаза, вспоминая.

— Спросил, считаю ли я назначение подтверждением. Я ответил, что да. Он спросил, изменится ли ответ, если кто-то помог устранить препятствие. Я решил, что речь про коуча, сказал: нет, ведь работу всё равно сделал я.

— А теперь? — спросила Марина.

— Теперь не знаю.

— Должность вы получили. Ваши действия были реальны. Нарушение Кирилла тоже, вероятно, было реальным. Вопрос не в том, произошло ли событие.

— А в том, кто его подтолкнул, — сказал Алексей.

— И знали ли вы об этом.

Он долго смотрел на исходную запись. Потом попросил снова включить диктофон.

— Я хочу, чтобы вы использовали историю, — сказал он. — Без имени компании и моего имени до того, как я поговорю с юристом. Но скажите прямо: метод помог мне сделать то, что я откладывал. И я не давал согласия проверять другого человека ради моего результата.

— Записал, — сказал Даниил.

— И ещё. Не делайте из меня идиота, который поверил во Вселенную. Я не верил. Мне нужна была система действий.

— Хорошо.

— В прошлый раз вы и сестру сделали идиоткой.

Даниил не ответил. Алексей, видимо, понял, что попал, но извиняться не стал.

Марина задала вопросы о сроках, изменениях записи и критериях подтверждения. Алексей нашёл в почте три версии. Первоначальная была точнее поздней: после назначения куратор добавила фразу «в комфортной для меня структуре», которой до результата не существовало. В публичном кейсе именно позднюю фразу подали как заранее сбывшуюся деталь.

— Подтверждение расширили после события, — сказала Марина.

— Но основная должность и срок совпали, — возразил Алексей.

— Да. Поэтому нельзя назвать весь случай подделкой. И нельзя назвать всё совпадение первоначальным.

Даниил видел, как ей важно удержать обе части. Не из осторожности. Из какой-то старой профессиональной вины, которую она пока не называла.

Он открыл подготовленную справку о плацебо. Алексей заметил заголовок.

— Вы хотите сказать, мне всё показалось?

— Нет, — ответила Марина. — Плацебо не значит «вымышленное», но и не объясняет назначение на должность. Мы проверяем, как ожидание влияет на переживания и поведение, а не превращаем термин в универсальную причину.

ИЗ АРХИВА / НАУЧНАЯ СПРАВКА

Сравнение плацебо не с лекарством, а с отсутствием лечения в 202 испытаниях не выявило крупного универсального клинического эффекта. Небольшой средний эффект был заметнее в непрерывных самоотчётах, особенно о боли.

Источник: Hróbjartsson & Gøtzsche, 2010.

— То есть самочувствие может измениться, — сказал Алексей, — но анонимное письмо не материализуется.

— Именно. Для письма нужен отправитель.

— Тогда найдите его.

— Найти — не значит угадать, — сказал Даниил. — Начнём с того, что могло породить письмо без всякого архива.

Он перевернул лист Марины и написал пять версий. Первая: сообщение отправил обычный сотрудник компании, заметивший нарушение. Вторая: это сделал человек, заинтересованный убрать Кирилла. Третья: проверка возникла независимо, а анонимное письмо в рассказе Алексея появилось позднее или получило лишнее значение. Четвёртая: вмешалась «Практика факта» либо связанный с ней оператор. Пятая: журнал на накопителе составили после события по уже известной истории.

— Шестая, — сказал Алексей. — Письмо отправил я и забыл?

— Такое возможно? — спросила Марина без улыбки.

— Нет. Я бы не забыл.

— Тогда зачем предложили?

— Потому что вы оба смотрите на меня так, будто я должен признаться в чём-то ещё.

— Я смотрю, сможете ли вы рассматривать неприятную версию, — сказала она. — Но потеря памяти о намеренном письме за год без других симптомов — слабое объяснение.

Даниил не записал шестой пункт. Вместо этого спросил, кому Алексей рассказывал о втором кандидате. Тот сначала назвал жену и двух коллег, затем вспомнил общий чат курса. Участники раз в неделю публиковали препятствие и следующий шаг. Старый чат исчез из приложения, но Алексей делал скриншоты для личного отчёта.

В фотогалерее нашлась папка Факт. Среди фотографий сцены, заполненных форм и мотивационных карточек был экран группового обсуждения от 3 марта. Алексей написал: «Препятствие — второй кандидат из финансов, сильные связи наверху». Куратор ответила: «Человек не является препятствием. Найдите условие, которое делает его выбор вероятнее вашего». Под сообщением стояло девять реакций. Имена участников были видны.

— Уже девять человек знали, — сказал Даниил.

— Больше, — ответил Алексей. — В группе было сорок восемь.

Ни имени, ни инициалов Кирилла в сообщении не было. Однако двумя днями позже один участник спросил: «Это тот К. Л., который ведёт казначейство?» Алексей ответил смайлом с закрытым ртом.

— Вы подтвердили личность, — сказала Марина.

— Не словами.

— Для человека, который уже угадал, этого достаточно.

Алексей искал аккаунт в приложении и показал нынешний профиль. Чат на старом скриншоте по-прежнему оставался только изображением.

Даниил почувствовал знакомое ускорение: код Н-17, тот же номер в архиве, прямой след из прошлого. Он приблизил скриншот и уже собирался отправить Глебу, когда Марина сказала:

— Когда сделан снимок — в день переписки или позже? — спросил Даниил.

Алексей не знал.

В свойствах файла стояло третье марта 2025 года. Явных следов монтажа они не увидели, но ни дата в свойствах, ни внешний вид не доказывали, когда был сделан скриншот.

— Это связывает аккаунт с обозначением в журнале, — сказал Даниил.

— Если журнал настоящий, — ответила Марина. — Или его автор увидел этот скриншот и использовал готовый номер.

— Скриншот был только у меня.

— И в облаке, которому приложение имело доступ? — спросил Даниил.

Алексей открыл разрешения старой версии. «Практика факта» получала доступ к выбранным изображениям, когда пользователь прикреплял отчёт. В списке выбранных файлов значилась вся папка Факт, а не отдельные снимки.

— Значит, они могли видеть чат, — сказал он.

— Технически могли получить файл, — уточнил Даниил. — Пока не знаем, загружали ли.

В архиве Алексея нашёлся журнал синхронизации. Третьего марта перед полуночью приложение отправило на сервер двенадцать изображений. Размеры файлов совпадали с содержанием папки. самого сервера у них не было, но вероятность доступа платформы перестала быть предположением.

— Почему приложение забирало скриншоты чата, который само же показывало? — спросила Марина.

— Отчёт участника собирался из фотографий недели, — ответил Алексей. — Я выбрал папку целиком.

— То есть передали добровольно.

— Не понимая, что в ней список людей.

— Добровольная передача не равна осознанному согласию на любое использование, — сказала она. — Но для вопроса о доступе этого достаточно.

Даниил поставил плюс напротив четвёртой версии: у платформы были цель, подразделение, описание конкурента и его инициалы. Там же поставил минус: доказательств отправки письма не было.

Алексей предложил позвонить Татьяне Соколовой, бывшей помощнице генерального. Она уже ушла из компании и могла помнить порядок проверки. Даниил настоял, чтобы Алексей не пересказывал версию об операторе до ответа. Разговор включили на громкую связь с её разрешения, но не записывали.

— Кирилл сняли после письма на горячую линию, — сказала Татьяна. — Это все знали.

— Когда пришло письмо?

— Где-то в середине мая.

— До плановой проверки платежа или после?

— Проверки до письма не было. Безопасники подняли договоры из-за сигнала.

— Кто мог знать о подрядчике?

— Бухгалтерия, закупки, половина проекта. Родство тоже не было государственной тайной.

— В письме была информация, которую мог знать только кто-то внутри?

Татьяна подумала.

— Не помню. Кажется, приложили выписку и фотографию из социальной сети. Всё открытое.

— Отправителя установили?

— Горячая линия анонимная. Это смысл горячей линии.

— Формулировку письма помните?

— Нет. Алексей, зачем тебе сейчас это?

Он посмотрел на Даниила. Тот покачал головой: не надо придумывать удобное объяснение.

— Появились вопросы к процедуре моего назначения, — сказал Алексей. — Я хочу понять последовательность.

— К твоей работе вопросов не было. Кирилл сам нарушил правило.

— Если бы не письмо, меня бы назначили?

— Не знаю. Возможно, выбрали бы тебя. Возможно, его. Совет тогда делился пополам.

После звонка Алексей долго держал телефон в руке.

— Я три года был сильнее, — сказал он. — Но выбрали меня только когда его убрали.

— Обе вещи могут быть правдой, — ответила Марина.

— От этого не лучше.

— Вам и не должно немедленно стать лучше.

Он резко посмотрел на неё.

— Если платформа отправила правду о нарушении, что я должен был сделать? Отказаться от должности в пользу человека, который скрыл конфликт?

— Тогда вы не знали.

— А теперь?

— Теперь сначала установите, что именно произошло. Не назначайте себе наказание, чтобы быстрее избавиться от неопределённости.

Даниил отметил, как иначе она говорила с участником. Без колкости, которой встречала его самого, и без утешения. Алексей перестал защищать метод и начал описывать цену результата.

— Допустим, отправила «Практика», — сказал он. — Нарушение настоящее. Проверка законная. Должность я заслужил. Где тогда обман?

— В объяснении, — ответил Даниил. — Вам показали исход как подтверждение некой системы реальности, хотя кто-то мог сознательно создать условие.

— Они обещали возможности.

— Вы согласились на анонимную проверку коллеги?

— Нет.

— Кирилл согласился стать препятствием в чужом протоколе?

— Нет.

Марина добавила:

— Полезность вашего результата не даёт системе права скрывать собственное участие. Но и скрытое участие не превращает всю вашу работу в фикцию. Если расследование сведёт историю к одной из этих крайностей, оно будет ложным.

Алексей кивнул не им, а листу с колонками.

Даниил позвонил на горячую линию компании с номера, который не называл имени Алексея. Оператор подтвердил лишь общую процедуру: анонимные сообщения сохраняются у независимого подрядчика, доступ возможен по запросу суда или внутренней комиссии. Дату конкретного обращения без полномочий не раскрыли. Название подрядчика было публичным.

По реестру домен горячей линии обслуживала крупная комплаенс-платформа. Среди её партнёров числился аналитический сервис, который также работал с «Практикой факта»: одинаковый логотип стоял в нижней части политики конфиденциальности. Это создавало технический маршрут между системами, но не доказывало передачу сообщения. Десятки компаний пользовались тем же подрядчиком.

— Значит, они могли знать, куда отправить, — сказал Алексей.

— Адрес горячей линии был на сайте вашей компании, — ответил Даниил. — Это мог знать кто угодно.

Они проверили публичный снимок сайта за май. Форма анонимного сообщения открывалась без авторизации. Чтобы запустить проверку, неизвестному требовались только фамилия кандидата, выписка из реестра и фотография родственной связи. Всё это находилось в открытом доступе. Четвёртая версия стала технически простой, но первая и вторая оставались не менее простыми.

— А пятая? — спросил Алексей. — Что архив составили после?

Даниил показал ему исправленный падеж в копии, отсутствие доверенной отметки времени и позднюю программу подписи. Объяснил, что журнал мог собрать человек, уже знавший историю повышения и имевший доступ к его облаку. Даже совпадение кода Н-17 работало в обе стороны: подтверждало старый след или показывало источник, откуда автор подделки взял обозначение.

— Получается, вы принесли документ, который сам создаёт все вопросы и ни на один не отвечает, — сказал Алексей.

— Пока да.

— Тогда почему я должен верить, что звонок наблюдателя настоящий?

— Не должны. Сохраните журнал вызовов и сообщение. Мы проверим оператора связи, если будет юридическое основание.

— Вы сами во что верите?

Даниил посмотрел на пять версий. У него уже была любимая: коммерческая система нашла препятствие и через оператора создала проверку, а потом кто-то изнутри решил раскрыть механизм. Эта версия связывала слишком много деталей, чтобы не нравиться журналисту. Именно поэтому её следовало держать отдельно от установленного.

— Я считаю, что у платформы была возможность вмешаться, — сказал он. — Мотив следует из продукта. Следы доступа есть. Самого действия пока нет.

— А вы? — Алексей повернулся к Марине.

— Я считаю, что протокол помог вам изменить поведение. Остальное не установлено.

— Удобно.

— Нет. Удобно было бы выбрать одну историю.

Они подписали на обороте листа время и состояние каждой версии. Даниил сфотографировал его, Алексей оставил оригинал себе. Теперь хотя бы их сегодняшний вывод нельзя будет незаметно сделать увереннее после следующей находки.

Снаружи к бизнес-центру подъехал серый седан. Даниил невольно проследил за ним. Из машины вышла женщина с детским креслом в руках. Марина заметила его взгляд.

— Вот так работает настроенное внимание, — сказала она. — Вы ждёте серую машину и начинаете видеть серые машины. Их не стало больше.

— А если одна из них действительно за нами едет?

— Тогда одного цвета недостаточно.

Алексей получил ещё одно сообщение. На этот раз от поддержки «Практики факта»: «Ваша заявка на выгрузку данных зарегистрирована». Он не подавал заявку.

Через минуту на почту пришла ссылка на архив. Даниил попросил ничего не открывать. Алексей переслал заголовки письма Глебу, не переходя по ссылке. Отправка шла с настоящего домена платформы.

— Они знают, что мы встретились? — спросил Алексей.

— Или выгрузку заказал человек с доступом к вашему аккаунту, — сказал Даниил.

— Это должно успокаивать?

— Нет.

Марина предложила сменить пароль почты с другого устройства и завершить все сессии. Алексей сделал это при них. В истории входов не было ничего необычного, кроме авториза-

ции сервиса «Практики факта», которой он сам когда-то разрешил доступ для календарных напоминаний.

— Календарь, почта, профиль, контакты, — перечислил Даниил. — Этого достаточно, чтобы знать многое и вовремя подталкивать.

— Но не чтобы найти нарушение Кирилла, — сказал Алексей.

— Для этого нужен человек.

Выгрузка пришла вторым письмом как защищённая ссылка. Глеб подтвердил, что сможет открыть её в изоляции. Даниил договорился отвезти устройство Алексея вечером.

Перед уходом Алексей попросил копию своего согласия и ещё раз перечитал формулировку. На словах «подтверждённый результат» он поставил вопросительный знак.

— Если выяснится, что письмо отправила платформа, что это будет значить? — спросил он.

— Что вам помогли без раскрытия способа, — ответила Марина.

— А если не она?

— Тогда останутся другие версии.

— Вы всегда оставляете версии?

— Пока данные позволяют.

На улице Даниил позвонил Ирине и коротко пересказал разговор. Она выслушала, потребовала согласие Алексея в редакционное хранилище и запретила упоминать Кирилла до независимого подтверждения нарушения.

— У нас есть история реальной пользы, ретроспективная правка и возможное тайное вмешательство, — подвёл Даниил.

— У нас есть слова одного участника и файл неизвестного происхождения, — поправила Ирина. — Найди письмо безопасности, оператора, исходные логи. И комментарий Арсеньева.

— Уже запросил.

— Лиде звонил?

— Нет.

— Почему ты замолчал?

— Алексей её знает.

Ирина вздохнула.

— Не используй сестру как короткий путь к системе.

— Я понял.

— Ты это уже понимал в прошлый раз.

После звонка Марина сказала:

— Она права.

— Вы слышали только мою сторону.

— Достаточно громко.

— Лида сама проходила курс и согласилась на интервью.

— Согласие на интервью не равно согласию стать вашим аргументом навсегда.

— Сегодня день очевидных истин?

— Вы удивительно устойчивы к некоторым из них.

Они вернулись к машине. На лобовом стекле под дворником лежал белый конверт без надписи.

Даниил остановил Марину рукой.

— Не трогайте.

— Я и не собиралась.

Он сфотографировал конверт, машину и положение дворника. Потом надел перчатки из аптечки и снял его. Внутри была одна распечатанная строка:

ПЕРВЫЙ СВИДЕТЕЛЬ ПОДТВЕРЖДЁН. ЗВОНОК СОСТОЯЛСЯ В 11:40.

— Мы начали в одиннадцать сорок две, — сказала Марина.

— Встречу. А на листе написано «звонок».

На обороте стоял индекс карточки Алексея и номер Н-17.

Даниил оглядел парковку. Камера бизнес-центра смотрела на въезд, но машина стояла у края зоны обзора. Подойти к ней можно было со двора.

Они вернулись к стойке охраны. Даниил показал пресс-карту, конверт в прозрачном пакете и попросил не копию записи, а немедленное сохранение последних двух часов. Старший смены сначала отказался, затем позвонил управляющему. Марина настояла, чтобы в журнале указали точное время запроса и не называли им содержание конверта.

На маленьком мониторе охранник перемотал камеру двора. Машина Даниила попадала в кадр только левой фарой и частью стекла. В 11:18 мимо прошёл курьер с квадратным рюкзаком. В 11:31 — мужчина в бейсболке, говоривший по телефону. В 11:54 к краю кадра подошёл человек в светлой рубашке. Видны были плечо и рука. Он задержался на семь секунд и ушёл обратно во двор.

— Можете увеличить? — спросил Даниил.

Увеличение превратило кисть в серые квадраты. На рукаве различался тёмный знак, похожий на логотип доставки или складку.

— Вход во двор?

— Муниципальная камера на углу, — ответил охранник. — Запрос только через полицию.

— Человек заходил в здание?

Они проверили холл. Светлая рубашка не появилась. Значит, он пришёл с улицы, знал, где стоит машина, и ушёл тем же путём. Это не требовало доступа к кафе: Даниила могли вести от дома Алексея или увидеть через окно.

Марина попросила показать запись с момента их приезда. За три минуты до того, как она села в машину, у двора остановился велосипедист с коробом доставки. Лица под шлемом не было видно. Он посмотрел в сторону машины, набрал сообщение и уехал. Связь с конвертом была возможной и совершенно недоказанной.

— Сохраните оба фрагмента без обрезки, — сказал Даниил.

— По официальному запросу.

Он тут же написал письмо от редакции, поставил Ирину и управляющего в копию. Охранник зарегистрировал обращение. По крайней мере, видео теперь существовало не только в их памяти.

Когда они вышли, Марина сфотографировала пакет с обеих сторон рядом с экраном часов. На бумаге не было видимых отпечатков, но гладкий лист и конверт могли сохранить следы. Даниил решил передать их специалисту, хотя понимал: без образца сравнения отпечаток неизвестного останется отпечатком неизвестного.

Он осмотрел лист через пакет. Обычная офисная бумага, лазерная печать, шрифт из стандартного набора. Конверт продавался в любом канцелярском магазине. Автор не оставил редкого материала, водяного знака или намеренно красивой детали. Это делало послание менее театральным и потому неприятнее: неизвестному был важен текст, а не легенда вокруг него.

— Фраза про одиннадцать сорок ошибочна, если относится к встрече, — сказала Марина. — Мы обязаны сохранить ошибку, даже если потом найдём другое событие в это время.

— Может быть, речь о звонке наблюдателя.

— Он был в 17:26. Звонка в 11:40 мы не установили.

Даниил записал расхождение. Встреча началась в 11:42, но превращать её в предсказанный звонок означало менять условие после события.

— Это не прогноз, — сказал он. — Кто-то следит и подбрасывает документы.

— Согласна.

— Значит, впервые у нас есть физическое действие вне файлов.

— И человек, который хочет, чтобы мы знали о слежке.

Телефон Даниила зазвонил. Номер был московским, знакомым. Он включил громкую связь и представился.

Несколько секунд слышалось только движение воздуха. Потом мужской голос спросил:

— Вы поговорили с Алексеем?

— Кто это?

— Запишите состояние.

— Назовите себя.

— Первый свидетель подтверждает факт, но не объяснение. Не перепутайте.

— Вы передали накопитель?

Связь прервалась.

Марина уже записывала номер, время и дословную формулировку. Даниил перезвонил. Автоматический голос сообщил, что номер не обслуживается.

В этот момент пришло сообщение от Алексея: «Забыл сказать. Позавчера наблюдатель закончил разговор странной фразой. Если вам позвонят после встречи, передайте ему мой ответ».

Даниил набрал Алексея сам. Тот ответил сразу.

— Какой ответ? — спросил Даниил.

Алексей помолчал, будто пытался понять, почему вопрос прозвучал только сейчас.

Он ответил после короткой паузы.

Архив позвонил мне немного раньше вас.

ПРОТОКОЛ ПЕРВЫЙ. ФАКТ

Назначение: превратить намерение в утверждение, которое допускает однозначную проверку. Протокол не оценивает вероятность и не объясняет причину результата.

Служебная карта

•

Номер записи: _____

•

Дата и время фиксации: _____

•

Проверяемый факт, одним предложением: _____

•

Крайний срок: _____

•

Независимый признак подтверждения: _____

•

Где появится доказательство: _____

•

Что будет считаться неподтверждением: _____

•

Подпись наблюдателя: _____

Запись составляется до первого действия. Слова «хочу», «надеюсь», «постараюсь» и «когда-нибудь» в поле факта не используются.

Основное положение

Запишите утверждение так, будто проверяемый результат уже существует, но не добавляйте к нему объяснений, обещаний или просьб. Формулировка должна описывать наблюдаемый факт, доступный независимой проверке заранее выбранным способом в установленный срок.

Не пишите, чего хотите избежать. Не перечисляйте двадцать причин: такие объяснения размывают факт и затрудняют позднее проверку по внешним признакам.

Если формулировку нельзя подтвердить фотографией, документом, сообщением или свидетелем, перепишите её точнее перед началом любого наблюдения.

Индекс архивной сверки: 02.02.03

ЧАСТЬ II. ФАКТ

Глава 5. Номер, которого нет

За Садовым кольцом Марина перестала спорить с навигатором и открыла присланную Савельевым схему проезда. На схеме не было ни названия посёлка, ни номера дома — только поворот после старой водонапорной башни, два лежащих полицейских и фраза: «Шлагбаум обычно поднят». Даниил посмотрел на серую линию пробки впереди и сказал:

— Для человека, который всю жизнь требовал операциональных определений, он даёт удивительно расплывчатые инструкции.

— Он даёт ровно столько, сколько считает нужным.

— Это у вас научная школа так разговаривает?

— Это у нас Вадим Сергеевич так разговаривает.

Марина сложила телефон экраном вниз. За сорок минут она трижды проверила съезд, а перед дорогой настояла на двух диктофонах, бумажном блокноте и согласии на запись. Один диктофон лежал у неё на коленях, будто мог удержать прошлое в приемлемых границах.

Савельев ответил ей после второго звонка. Не спросил, откуда у неё архив, и не удивился словам «Протокол факта». Он назвал время, прислал схему и добавил: «Привезите журналиста. Он всё равно не поверит пересказу». Даниилу эта готовность не нравилась больше, чем уклонение.

От сегодняшней встречи с Алексеем остались его согласие, копии документов и рассказ о звонке наблюдателя. Время звонка не совпало с предсказанной строкой. Даниил положил эти записи рядом с вопросами к Савельеву.

— Если он скажет, что ничего не помнит, — произнёс Даниил, — мы уезжаем через пять минут.

— Ты уезжаешь. Я останусь.

— Если он запретит запись?

— Будешь вести конспект.

— Если попросит оставить телефон в машине?

— Оставишь телефон в машине.

— А диктофон?

Марина посмотрела на него.

— Ты ведь не думал, что научный руководитель учит только статистике?

За бетонным забором шлагбаум оказался опущен. Охранник сверил фамилии и пропустил их в бывший санаторий. Между соснами стояли корпуса цвета старой бумаги. У четвёртого ждал Савельев — в застёгнутой до горла тёмно-синей рубашке, несмотря на духоту.

Он постарел не так, как ожидала Марина. Не усох и не расплылся, а словно стал точнее: лишний вес ушёл, нос заострился, седые волосы были коротко подстрижены. Только правая кисть едва заметно дрожала, когда он пожал ей руку.

— Марина Сергеевна, — сказал он. — Всё-таки пришли лично.

— Вы оставили мало вариантов.

— Я оставил лучший. Вадим Сергеевич Савельев.

Даниил представился, хотя Савельев явно знал его имя. На журналиста он смотрел без враждебности, с тем вниманием, которым врач оценивает нового пациента до жалоб.

— Записывать можно, — сказал он. — Но если решите опубликовать, пришлёте цитаты на согласование.

— На проверку точности, — уточнил Даниил. — Не на согласование смысла.

— Уже лучше, чем в прошлый раз.

Марина спросила:

— Какой прошлый раз?

Савельев придержал дверь.

— Вот для этого вы и приехали.

Внутри пахло хлоркой и нагретой пылью. На первом этаже были процедурные кабинеты реабилитационного центра; Савельев повёл их по лестнице вверх, в длинный коридор с закрытыми дверями. Его комната занимала бывшую библиотеку. Книги стояли в два ряда, коробки — в три. У стены работал осушитель воздуха. На окне лежал датчик температуры, рядом — простая тетрадь, в которую каждые четыре часа вносили показания.

— Я консультирую центр по восстановлению после инсультов, — объяснил Савельев. — Кабинет дали за помощь. Архив разрешили хранить временно.

— Сколько длится «временно»? — спросил Даниил.

— Одиннадцать лет.

Марина оглядела коробки. На корешках были знакомые сокращения: ЭО — эффект ожидания, ЦП — целевое поведение, ПР — проспективная регистрация. Почерк был не Савельева. Её собственный, двадцатипятилетний, с угловатой буквой «д» и слишком длинными хвостами у «у».

— Вы сказали, материалы уничтожены.

— Я сказал, персональные формы уничтожены после истечения срока хранения.

— Вы сказали это комиссии.

— И это было правдой.

Она провела пальцем по надписи «ЦП-04. Кодировки». Коробка была затянута прозрачной лентой, и пыль на ней лежала ровно. Савельев заметил движение.

— Сначала поговорим, — сказал он.

Он посадил их за низкий стол, включил электрический чайник и дождался, пока оба диктофона покажут запись. Марина назвала дату, время, место и присутствующих. Савельев поправил название учреждения. Даниил спросил, когда впервые появился текст, который в цифровом архиве назывался «Протоколом первым».

— В том виде — не раньше две тысячи двенадцатого года, — ответил Савельев. — Основа старше. Девяносто девятый год, пилот на сорока восьми добровольцах. Нас интересовало, как грамматическая форма цели влияет на воспоминание об исходе и на действия между записью и сроком.

— «Я получу работу» против «работа получена»?

— В том числе. Были условные планы, были формулировки желаемого будущего, были контрольные записи без цели. Ничего космического. Мы измеряли количество действий, устойчивость критерия и то, как люди потом пересказывали первоначальную запись.

— И что получили?

— Не то, что теперь продаёт Арсеньев.

— А что?

Савельев налил кипяток в три разные кружки, нашёл пакетики чая, но отвечать не спешил.

— Чем точнее участник записывал результат, тем чаще делал действия, которые сам считал очевидными и потому не связывал с записью. Звонил, отправлял документы, заранее резервировал время. Это интересовало нас больше исхода. А потом возникла проблема.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.